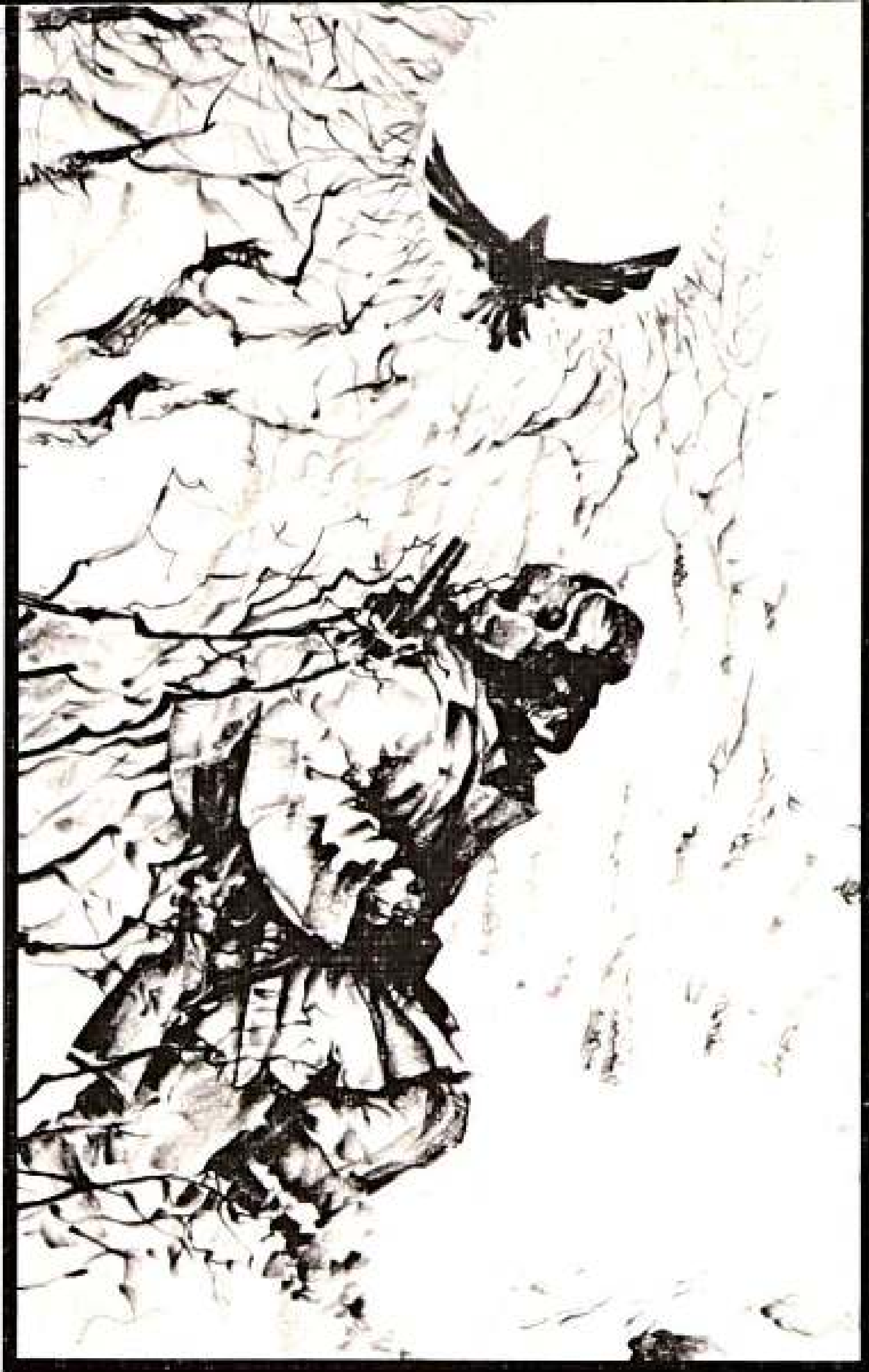

8412 Poc
B45

ОЛЕГ ВОРОНОЙ СИЛА ЖИЗНИ

OLEG VORONOV
THE FORCE OF LIFE

3.05.82

20.03-52

3 TMO T. 360000(3. 858—87

Digitized by eGangotri
2019

ОЛЕГ ВОРОНОЙ СИЛА ЖИЗНИ

Тигриные истории

OLEG VORONOV
THE FORCE OF LIFE

Tiger Stories

Моим родным, Dedicated
моим друзьям to my relatives
посвящается and friends

Библиотека-музей
г. Находка

издатель СВЕТЛАНА Акунгурова
Владивосток 2002

ДИК DIK

Вот как вы считаете – может ли безоружный человек тигра напугать? – прищурив хитрые глаза, спросил старый пасечник. Вокруг, сомкнутые ночной чернотой, тесно стояли великаны деревья. Морщинистая кора тускло отсвечивала бликами костра. Оглушающую тишину лишь изредка вспугивали далекие вскрики филина. Даже пламя беззвучно съедало сухие сучья, раздвигая ночную свежесть мягким теплом. Неожиданный вопрос пасечника отбросил подступающую дремоту. Нет, никто из сидевших у костра на вопрос ответить не мог.

– Ну, слушайте, коли так, – задымил папирсой старик. – Была у меня собака. Дик. На вид так себе: дворняга. Но на охоте – других таких поискать. Еще восьмимесячным щенком пошел на кабана в своре с другими собаками. Но не удачно. Сильно поранил ему секач заднюю ногу и, видно, нерв задел: болталась нога, как тряпка. Пришлось на руках нести домой. Думал – все, лапа действовать

“Now then, what do you think?” asked the old beekeeper, narrowing his crafty eyes. “Can an unarmed man scare a tiger?” Surrounding us, in the closing darkness of night, was a thick stand of enormous trees. The beekeeper’s wrinkled skin was dimly reflected by the light of the fire. The deafening quiet was broken now and then by the distant cries of an owl. Even the flames noiselessly consumed kindling, spreading apart the coolness of night with soft warmth. The beekeeper’s sudden question had thrown off the impending shroud of drowsiness. No, not one person sitting around the fire could answer the question.

“Well listen up then,” began the old man, lighting a cigarette, “I had this dog. Dik. A mutt. But as a hunter, you’d have to search high and low for another like him. Even as an 8-month-old pup he accompanied the pack after a boar. It was an unsuccessful hunt. The boar seriously injured one of Dik’s hind legs; it was evident that a nerve had been wounded. His leg dangled like a rag, and I had to carry him home in my arms. I thought that

уже не будет. Но со временем отошла. И наступила для Дика тяжелая, но азартная жизнь: зимой на охоте верный помощник, летом на пасеке надежный сторож. Когда спас меня от медведицы, что забрела на пасеку с медвежонком, понял: цены ему нет. И на охоте Дик останавливал любого секача и держал, пока я не подоспею. Да, всякое бывало. Один раз попался Дик в капкан и чуть не месяц в нем сидел. Хорошо, что морозов тогда не было. Охотник же – хозяин капкана – боялся к нему подойти и освободить, пока Дик совсем не ослаб. Домой приполз из последних сил. Страшно смотреть на него было: скелет, обросший шерстью. Но ничего, бульончиком отпоили. Думал, такому опытному псу обеспечена долгая жизнь. Но не тут-то было.

Пошел как-то я на рыбалку и взял Дика с собой. Он сильно просился побегать: долго уже сидел на цепи. Пока в ключе набирал ручейников, Дик бегал рядом, потом, кого-то почуяв, убежал на сопку и скрылся за увалом. Час прошел, а его все нет и нет. На душе у меня беспокойно стало. Полез я на сопку, направился следом. Свистел, кричал – ни звука. Стало темнеть. Повернул домой один. Ночью не мог заснуть, выходил несколько раз: проверял, не прибежал ли. Утром пошел на поиски. Нашел то место, где видел Дика в последний раз, определил направление и двигаюсь, приглядываясь: не взрыт ли где лист, не оставлен ли где след, или клочок шерсти? Шел, шел, поднялся на другую сопку. Посмотрел сверху: чистый склон – ни следов, ничего и никого.

was it, that his leg would never heal. But with time it did. It was difficult for Dik to walk on it, but the fervor of life in the Taiga kept him going. He was a true helper on my winter hunts, and during the summer months he was a trustworthy guard at my aviary. When he saved me from a bear that had wandered into the bee garden with her cubs, I understood that Dik was priceless. While out on a hunt he could stop any boar while I could get closer, and there were many such occasions. One time Dik got caught in a hunter's trap, and was stuck there for almost a month. It was a good thing that the temperature wasn't below freezing at that time. The hunter who owned the trap was terrified to go near Dik while the dog still had strength. He managed to drag himself home with his last bit of energy. It was horrible to look at him; nothing but a skeleton and stubble fur. But it turned out to not be a problem. Some soup bullion restored him to health. I thought that such an experienced dog was guaranteed to have a long life, but that wasn't the way it turned out.

This one time I went fishing, and brought Dik along with me. To run. When I was down at the spring digging for worms Dik was right there, but then he caught some scent and ran off up into the hills, disappearing behind a steep slope. An hour passed and he still had not come back. I had a worried feeling in my gut. I climbed up the hill, following his tracks. I whistled, I yelled. Not a sound. It was starting to get dark, and so I returned home alone.

I couldn't sleep that night. I went out several times just to see if he'd come back or not. In the morning I went out searching for him, and I found the spot where I'd seen him last. I determined his direction and

Посреди, на открытом месте – кедр. Спускаюсь к кедру. Когда уже проходил мимо, из-под него выскочил тигр и с рыком кинулся на меня! И как я его на чистом месте не увидел?! Он лежал, затаившись, – точно как куча старой листвы. От неожиданности я закричал, расставил руки и... прыгнул тигру навстречу. Тигр... увернулся и, продолжая реветь... убежал. Состояние мое было спокойное, даже геройское. Огляделся вокруг, увидел кучку листьев, разгреб... Тигриный помет и лапа Дика – все что от него осталось... А через полчаса стало меня так лихорадить! Часа два трясло, как осиновый лист. Долго в себя приходил...

Рассказ старика, так поразивший наше воображение, вызвал горячие споры. О человеческих возможностях, о месте человека на земле, о его предназначении, о жизни, о судьбе. Долго говорили. Только старик сидел безучастно, не слыша никого, с тихой улыбкой смотрел на огонь и все гладил и гладил дремавшего рядом молодого пса.

followed, looking closely at each leaf to see which ones he might have turned up. Here I found a track, and there a bit of fur. I walked and walked. I reached the top of another hill. I looked down: a clear slope. Not a single track; nothing and nobody. In the middle of the slope was a clearing, and in that clearing stood a single Korean Pine. I started down towards it. When I was almost past, out from behind the tree, letting out a roar, leapt a tiger!

How could I have possibly not seen it in such an open area?! He had been lying, hiding, looking exactly like a hip of old autumn leaves! Out of surprise I screamed, threw up my arms and jumped towards the tiger. The tiger turned and roared once more, then ran off.

My state of mind was calm, even heroic. I looked around, and seeing a small pile of leaves brushed them aside. Underneath were some tiger droppings and one of Dik's paws. That's all that was left of him...

And in a half-hour, I was in such a fever! I shook, like an autumn leaf, for two hours. I withdrew into myself for a while..."

The old man's story had so struck our imaginations that it stimulated heated arguments. About human capabilities, about the place of Man on this earth, about destiny and about fate. We talked long into the night. The old man alone sat neutral, not hearing anyone. With a quiet smile he stared into the fire, all the while stroking the young pup that dozed beside him.

НАХОДКА THE FIND

Позади день бесплодных скитаний. Бывает же такое: крутом следы, следы, а зверь – как сквозь землю провалился! Вконец измотанные, присев ниже увала в ветровом затишье, смотрим на уходящее в распадок солнце, слушаем шумные выдохи не уставшего за день ветра. Ноги, словно налитые свинцом, гудят и заглушают всякое желание двигаться. А до деревни еще несколько километров бездорожья.

Но охота пуще неволи. И, лишь перестали напоминать о себе уставшие мышцы, возникло желание проверить еще заросшую густым кустарником чащину, уютно расположившуюся на южном склоне ближней сопки.

The day of fruitless wandering is behind us. Sometimes it turns out that way. Tracks, tracks everywhere, but it's like animals fell through the earth. Completely exhausted, squatting beneath the steep slopes in the calm out of the wind, worn out, looking at the disintegrating sun, we are listening to the wind's in-cessant exhalations. Our legs, as if filled with lead, ache and suppress any desire to move. But there are still several roadless kilometers to the village.

Hunting is more than a necessity. As soon as burning of muscles stopped, there arose a desire to check one more thicket, snugly settled on the southern slope of a nearby hill.

Обговорив место встречи, разошлись. Но и в этом месте только иногда доносился треск убегавшего зверя, да парили теплом только что оставленные дневные лежки. Со всех сторон – сплошная стена зарослей лещины, да круговерть сильного ветра. Все равно – ничего! Вот уж если не везет, то не везет. Да пошла она, эта охота! И ноги решительно повернули к месту встречи.

Издалека вижу довольную физиономию напарника. Неужели что-то есть? Неужели вернемся домой не с пустыми руками? И ноги быстрее зашагали, “горя нетерпением узнать радостную весть”.

– Ну что?

– Зайца подстрелил, – важно сообщил напарник.

– Фи-и... Ну, хоть зайца – и то дело.

– И... И т-и-г-р-а нашел.

– Как тигра?! Как нашел? Где?

– Да во-он там. Лез по кустам, зайца поднял. Он отбежал немного и сел на виду. Ну, я “бах” – и он готов. В рюкзак положил, дальше иду. Метров пятьдесят прошел, гляжу через кусты: в ложбинке какие-то кости, вроде как ребра лежат. Дай, думаю, гляну: чьи мослы там? Подхожу, а это... тигр! Дохлый. Лежит на боку. Лапы вытянуты. Шерсть клочками. Голова запрокинута. Глаза застекленевшие. Давно, видать, лежит: промерзший весь. Может, подстрелил кто, может, сам отравился на свалке. Но вороны не раздолбали. Метров десять до него не дошел. Что-то жутко стало: я ведь ни разу в жизни его не видел. И я боком-боком от него. Уже давно

Deciding on a rendezvous point; we split up. But alas, aside from the crash of a fleeing animal and a steaming spot in the snow where he had been hiding, there was nothing. The strong wind whirled from all directions around the hazel thicket. Sometimes you're lucky; sometimes you're not. To hell with it, this hunt! I turned resolutely and headed for the rendezvous point.

From afar I could see from my buddy's face that something had happened. Is it possible he caught something? Are we really going home not empty-handed? My legs trudged faster in anticipation of good news.

“Well?”

“I shot a rabbit.” my friend announced with importance.

“Pah! Well, at least you got a rabbit. That's something, anyway.”

“And....and I found a t-i-g-e-r.”

“What do you mean a tiger?! What do you mean you found it? Where?”

“Yeah, o-over there. The rabbit was lying under some bushes, and I stirred him up. He ran off a bit then sat in plain sight. Well, “bang!” and he was done for. I stuck him in my backpack and continued on. I had walked about fifty meters, and looking through the brush I saw bones of some kind in a gully; they appeared to be ribs. “Let's have a look, then”, I thought, “and see what kind of carcass is over there.” I went up to it, and there was a tiger! Dead. Lying on its side, paws outstretched, fur in tatters, head thrown back. It looked like he'd been there for a while; he appeared frozen. Maybe someone shot him, maybe he died in some kind of fight. But the ravens hadn't pecked at him. I

тебя жду: забрать его надо.

Солнце, блеснув на прощанье из-за тучи, ушло за хребет, и сразу стали подниматься сумерки, отвоеывая пространство для самой длинной ночи года.

– Ну, куда тут уже идти, – говорю. – Домой потопали, завтра с охотоведом подъедем и заберем.

Вечер прошел в оживленных спорах: что делать с такой находкой? А нескончаемая ночь не давала сна уставшим телам. Все никак не могли придумать, где лучше оттаивать такую тушу, как шкуру выделывать, что с остальным делать.

Бывает же в жизни такое! Ничего-ничего, и тут на тебе – целый тигр! Лежит себе готовенький. Вот это находка! Вот это трофей!

Трофей... Результат охотничьего труда. Награда за десятки километров пройденного пути, впитанных всем своим существом просторов, вдыхаемых жизнью. Жизнью такой неиссякаемой и хрупкой, вечной и быстротечной, трагичной и радостной. Радостной – тихо и незаметно, как деревья, сменяющие друг друга, растущие и павшие, всегда укрывающие эту землю. И радостной – ярко и стремительно цветами, полетом синих махаонов, навсегда уносимой звонкой струей ручейка. Жизнь – это радость, питающая всех и исходящая от всего живого. Питающая самое светлое и высокое у человека – мечту. Поддерживающая в дни досаднейших неудач и ошибок. В конце концов награждающая частью себя – трофеем. Кто знает его настоящую цену? Как бы не переливалась и не искрилась

didn't go closer than ten meters to him. I became terrified. I'd never seen a tiger my whole life, and here I am side to side with one. I've been waiting for you here for a while. We have to go get him."

The sun, shining its farewell from behind storm clouds, sank below a ridge. Twilight immediately rose around us, conquering the land once again to begin the longest night of the year. "Well, it is getting dark," I said, "Let's find our way home. Tomorrow we'll bring the game warden and come out and get it."

The evening passed amid lively arguments: what to do with such a find? The never-ending night gave no respite for an aching body. No one could think of where to thaw out the carcass, how to prepare the pelt or what to do with what remained.

Life can be like that: nothing, nothing, then suddenly a whole tiger! Ready to go! What a find! What a trophy!

A trophy: the result of the hard work that is hunting. The reward for tens of kilometers walked, soaking in the surrounding panorama of life. Life so full and fragile, eternal and short, tragic and happy. Happy quietly and conspicuous like trees replacing each other, growing and falling, always covering the Earth. Happy gorgeously and flamboyantly like flowers, like a blue swallowtail butterfly, carried away forever by a noisy little creek. Life is joy that nourishes everything and radiated by all live beings. It also nourishes the most enlightened and heavenly thing that people have – their dreams. They support you through days of misery and bad mistakes. Finally, it turns into a trophy. Who knows it's

шкурка пушного зверька, как бы не были велики и тяжелы рога оленя, но настоящую красоту и тяжесть трофеев видит и чувствует только тот, кто это добыл, отыскал. Кому это оказалось подарком за труд, за выносливость и терпеливость, за ум и настойчивость...

Трофей – это подарок. Подарок от жизни. Подарок за жизнь. Подарок за то, что ты – Человек. Что ты – Природа, потому что ты ее любишь, потому что знаешь, чувствуешь: ты – в ней, ты – частица ее.

Но все громче раздаются голоса за запрет охоты. Против питания человека живым. Что радоваться дырке в сердце зверя может только злодей, который также может и со своими ближними. Что только тот любит природу, кто не обижает “братьев меньших”.

Ложь! Нельзя любить то, чего не знаешь, на что смотришь через экран телевизора, окно автомобиля, иллюминатор самолета, что разглядываешь на фото, до чего не дотрагивался, чем не дышал, что не слышал наяву, чем не мог налюбоваться. А кто знает и любит по-настоящему? Это – охотник. И это тысячу раз доказано самой природой.

Попробуй, найди человека, который не губит живое. Крестьянин? Он своей рукой кормит, холит животных, а потом этой же рукой их и убивает. Который всю жизнь борется с “вредными” сорняками, окультуривает, то есть осушает, орошает, перепаживает, удобряет каждый мало-мальски удобный клочок земли. Но земля почему-то от этого скудеет, природа вокруг преобразается, гибнет.

Горожанин? Который травит жи-

actual value? The way the colors on a hide flow in the sun, the way each hair sparkles. Take the great, weighty elk's antler, for example. He who knows its true value is he who takes part in it. To some it appears: a gift for hard work, for endurance and patience, for intelligence and persistence...

Yes, a trophy is a gift. A gift from life. A gift for your life. A gift because you're Human; because you are Nature, because you love, know and feel it. You are in it; you are a part of nature.

But the voices calling out for the abolishment of hunting can be heard louder and louder. They say that only a scoundrel can put a hole in an animal's heart, and that he could do the same to those close to him. They say that only he who loves nature doesn't hurt his 'little brothers'.

Lies! You can't love what you don't know; what you see through a car window, an airplane porthole, on the television screen or what you scrutinize in a photograph, what you never touched, did not breath in, did not hear with your own ears, could not stop gazing at. And who, in reality, knows and loves nature? A hunter! And this has been demonstrated thousands of times in nature itself.

Give it a try: find someone who doesn't destroy life. A peasant? With his own hands he feeds and tends to his animals, and then with these same hands he kills them. His whole life he struggles with 'harmful' weeds; he customizes the land; that is drains, irrigates, plows over and fertilizes every little patch. And due to this, land for some reason becomes scarce; the surrounding environment

вое вокруг, вместе с собой, заводами и фабриками. А попав на природу, норовит урвать от нее побольше. Который завоевывает оставшееся пространство, прокладывая новые дороги, линии электропередач, кабели, газопроводы. Может быть, вегетарианец? Но кто докажет, что растения неживые? Дотронься до мимозы, и от прикосновения она складывает листья, никнет, а ведь ее родственники вырастают в громадные деревья. Семена без тепла и влаги не могут долго храниться. И чуть побольше тепла, влаги, только чуть станет светлее, как из "неживого" семени появляется жизнь.

Человек – злодей. И, как это ни прискорбно, в обозримом будущем им останется. Сам себе сотворил злодейские условия жизни и изменить их пока не в состоянии, несмотря на все свое могущество. А может, все-таки не злодей – ведь все на земле живет за счет другого, что естественно. Значит, естественен и человек. Естественен в использовании живого, пока зависим от природы этой планеты. Только бы не переходить ту грань равновесия, где человеку сытно и природа благоденствует. Но, увы, эта грань давно переступлена, почти везде, где живет человек. И невозможно уже зачастую вернуть утерянное. И когда уже человек опомнится, когда ума наберется?

Под утро только и заснули. Чуть свет вскочили. Нашли топоры – в кустах дорогу прорубать. Приготовили веревки – тигра тянуть. Побежали к охотоведу – уже нет дома: день воскресный, сезон охотничий. Та же кар-

becomes transformed and dies. A city dweller? His factories and mills poison every living thing around him along with himself; who, finding himself in nature, aims to take more for himself. He tries to conquer any remaining expanse and lay down new roads, electric lines, cables and gas lines. Maybe a vegetarian? Who can prove that plants aren't alive? If you touch a mimosa, it folds up its leaves and droops. The mimosa has relatives who grow into colossal trees. Big or small, they are alive all the same. Seeds lay dormant without warmth and moisture. Sensing the slightest amount of light, from these 'lifeless' seeds sprouts life.

Man is a scoundrel. As lamentable as this may be, it is how he is and will remain in the foreseeable future. He himself created such villainous conditions of life, and is in no position to change them now, regardless of all his might.

But maybe Man, all the same, is no scoundrel. Everything on this Earth lives at the expense of another; it's only natural. If only we would not cross the line of balance where Man is replete and nature flourishes. But alas, almost everywhere that Man lives, this line has been crossed long ago. And it is often impossible to return what was lost. When will Man come to his senses? When will he get it into his head?

We went to bed only by morning. It was barely light out when we jumped out of our beds. We found an axe to help hack through the brush. We prepared some rope with which to haul the tiger. We ran to the game warden's, but he wasn't home: it was Sunday, and it was hunting season. He had left very early.

тина и с другими ответственными лицами – никого нет дома, как специально. Как-то даже энтузиазм схлынул. И не на чем подъехать, и не с кем. Вот невезение, а там тигр лежит – вдруг кто-то еще найдет. К обеду только подвернулась попутная машина: до места хоть подбросит – и то ладно. С сопки тигра вниз стащим, а там видно будет.

На сопку лезли наперегонки. Издалека привлекли внимание крики ворон: вроде кричат на том месте, где должен быть тигр. Повернули прямоком на крики. Немного усилий, отнятых крутым склоном с густым кустарником, – и фейерверк отчаянно хлопающих крыльев поднялся из зарослей. Вот заразы! Небось испортили всего тигра! Ничего от них не спрячешь! Но вместо тигра... остатки оленя. И следы, следы владыки вокруг.

It was the same story with other officials; no one was home, as if on purpose. Our enthusiasm was dwindling. We had nothing to go by, and no one to go with. How's that for bad luck. There's a tiger laying out there; someone else might happen upon it. But by afternoon we had found a car that was going in that direction. The driver would drop us off at the spot but he wouldn't wait. Oh, well. We could drag the tiger down the hill and then we'd see. We climbed up the hill, racing each other. From afar we could hear the ravens' cries coming from the general area where the tiger should be. We veered and headed straight towards the calls. Paralyzed by the exertion spent climbing the steep slope blanketed with thick underbrush, we reached the top. Fireworks exploded around us: the desperate clapping of black wings

Да, хорошо он вчера пообедал: зараз съел почти всего оленя. Долго, видать, голодал. А где же наш тигр?

Я первый нашел вчерашний след напарника. Он пытел сзади. Ага, вот здесь он вчера на месте потоптался: стрелял. Дальше заячьи следы и пятнышко крови. Тут положил зайца в рюкзак. Вот пошел крадучись. Опять потоптался на месте. Где-то рядом – тигр. Но следы обрываются и идут в обратном направлении. Ниже, в ложбинке, – большая тигриная лежка и уходящие прочь следы гигантской кошки...

– Где же твой тигр? – оглянулся я на напарника. Схватившись за дерево, тот стоял с серым лицом.

– Как хорошо, что я к нему не подошел ближе, – только и смог сказать он.

ascending from the brush. There's the thicket! The ravens had most likely ravaged the tiger's carcass. You can't hide anything from them! But instead of a tiger were the remains of a deer. And the sovereign's tracks were all around. He certainly ate well yesterday. He devoured the whole deer practically at once. He had been starving, it seems, for some time. And where's the tiger?

First I found my friend's tracks from yesterday. Yeah, here the snow was trampled; he had stopped and fired his gun. A little further were the rabbit's tracks and a little spot of blood. It was here that he had put the rabbit in his backpack. From that point on he had been walking stealthily. Again trampled snow. My friend's tracks stopped short, and returned the way they came. There should be a tiger around here somewhere. Lower, in the gully, was an enormous imprint of a tiger's body in the snow and the departing tracks of the giant cat...

"And where's your tiger?" I asked, shooting a glance at my friend.

He stood with a pale face, clutching a tree for support.

"...It's a good thing I didn't go any closer to him..." was all he managed to say.

ГРЕШНИК THE SINNER

Эй, хозяин! Будь добр – позволь переночевать! – Голос мой еле пробивается сквозь шум дождя и лай собаки к мерцающему свечой окошку.

Сильный дождь, рано опустивший сумерки, заставил искать ночлег понадежнее палатки и костра. Да и внутренний голос настойчиво внушал, что где-то поблизости есть жилье.

Нырять в мокрые кусты, быстро пересек долину ручья, выясняя наличие следов человека и наткнулся на лесную, хорошо наезженную дорогу. В тайге, в таких местах, дорога обычно

ведет к пасеке, или охотничьему зимовью.

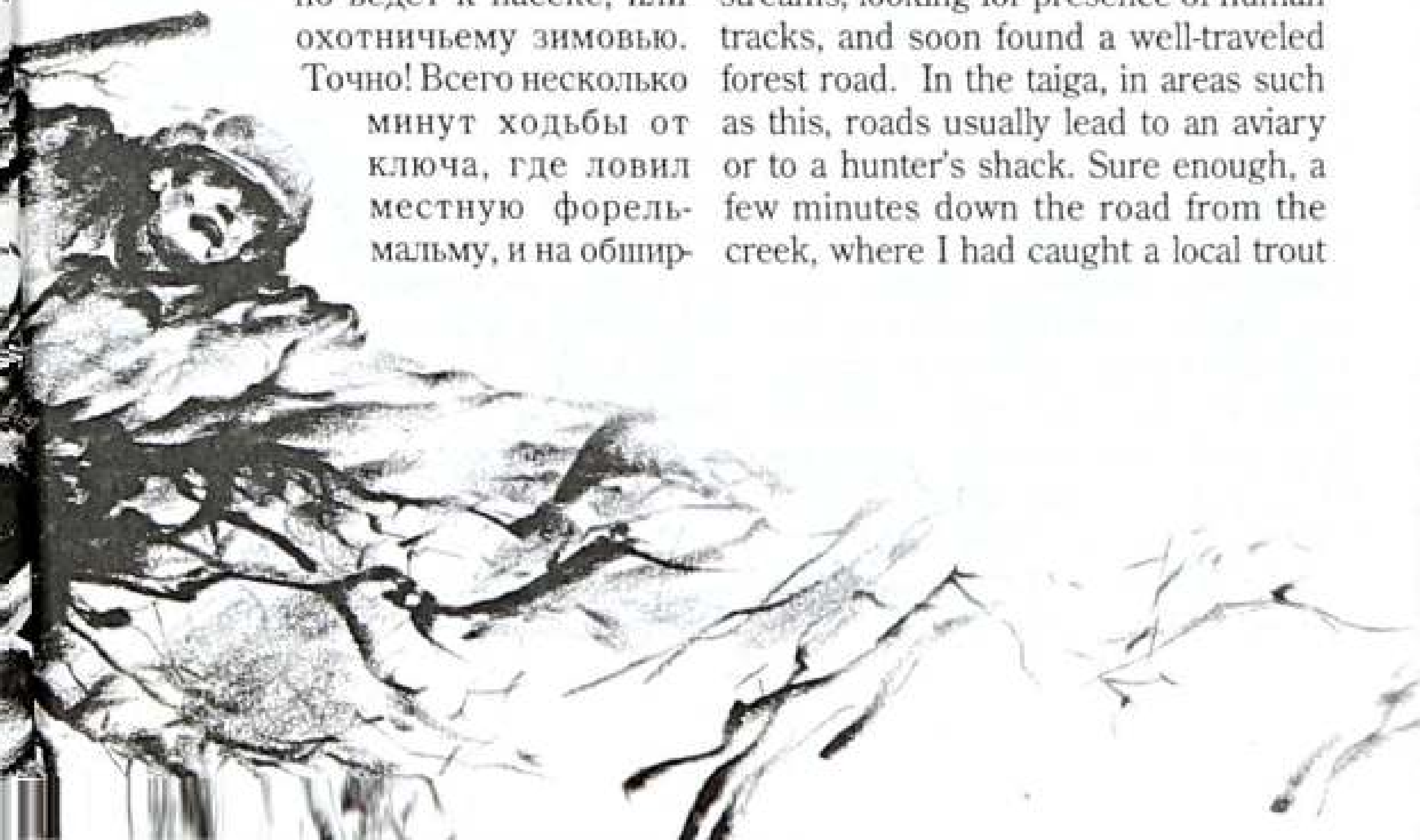
Точно! Всего несколько минут ходьбы от ключа, где ловил местную форель-мальму, и на обшир-

«Hey, master of the house! Would you be so kind as to let me spend the night?»

My voice scarcely penetrates through the sounds of rain and a barking dog to reach the dimly lit window.

The heavy rain, falling since early dusk, forced me to look for a more dependable place to sleep than in my tent by a fire. And my inner voice had been persistent in saying there was some kind of human dwelling nearby.

Diving through wet bushes, I quickly crossed a small valley of intersecting streams, looking for presence of human tracks, and soon found a well-traveled forest road. In the taiga, in areas such as this, roads usually lead to an aviary or to a hunter's shack. Sure enough, a few minutes down the road from the creek, where I had caught a local trout

– Кого там принесла нелегкая? – сердито донеслось из-за приоткрывшейся двери. – Кто такой? Чего надо?

Хозяин готов захлопнуть перед моим носом дверь; не любят пасечники непрошенных гостей. Много по тайге скитается лихого люду, того и жди, что беду с собой принесут.

Вспоминаю кстати рассказы уроженца этих мест и решаюсь выдать себя за земляка: "Да я Можаяева внук. Дождь бы переждать".

Дверь недоверчиво поскрипела, словно советуясь с хозяином, нехотя растворилась.

– Заходи.

В полумраке дверного проема угадываются просторные сени, белеет вход в избу. Старательно шаркаю сапогами по металлической сетке у крылечка, вхожу. В уголке снимаю рюкзак, достаю запасную одежду и переодеваюсь в сухое. Вытаскиваю пакеты с продуктами, на ощупь выбираю что повкусней, откладываю для ухи десяток самых крупных "форелин" и, вежливо постучав, переступаю порог.

Неповторимый пасечный дух. Сухой и теплый воздух человеческого жилья насыщен запахами меда, цветов, трав, запахом яркого солнечного дня посреди земляничной поляны, запахом буйного лета. Воздух, густой и медовый, светится янтарным ореолом вокруг трепетного огонька свечи. Чисто выбеленные стены словно дышат теплом. Крашенные половицы застелены домотканными дорожками. Печь, стол, лавка, дверь в другую горницу. На столе свеча, книга.

Выкладываю харчишки на стол, отдельно – заветную фляжку. Из гор-

species, the Malma, I came to a spacious field. Situated in the middle was an aviary with a modest wooden house adjacent. There was also a structure, where bees are kept during the winter, which was surrounded by a somber, massive fence.

«What foul winds brought you this way?» The angry voice comes from the other side of a cracked door. «Who is it? What do you want?»

The master of the house is ready to slam the door in my face; beekeepers don't like uninvited guests. There's many a cursed man wandering through the taiga, taking misfortune wherever he goes.

I recall, suddenly, conversations I had with a native to these parts, and I decided to pass myself off as a local:

«I'm Mozhayeva's grandson. I'd like to wait out the rain.»

The door creaks with mistrust, as if advising its master not to admit me.

«Come on in.»

In the half-darkness of the doorway I can sense the spacious canopy of the hut's porch. I diligently scrape my boots against the metal grate near the front steps, in order to remove mud, and go in. I drop my backpack in the corner of the porch, remove some dry clothes, and change. I pull out a plastic bag of food, feel around inside for something tasty, select a dozen or so of the larger trout. Knocking politely, I cross the threshold into the house.

I'm met by the unique smell of a beekeeper's house. The warm, dry air of the man's dwelling is filled with the smells of honey, flowers and herbs. It's the smell of a bright sunny day in the

ницы вышел пасечник. Молча собирает нехитрый ужин: еще горячая картошка, шмат сала, луковица, миска духмянного меда, выдыхающий парок чайник. Кладет одну вилку, одну ложку, ставит одну кружку, давая понять, что ужинать не будет и, не проронив ни слова, возвращается в свою комнату, плотно прикрыв за собою дверь.

Станный тип! Когда и кто у нас отказывался, по русской традиции, за стопкой узнать, что в мире творится, поговорить про политику, про урожай, просто за жизнь, познакомиться, наконец? А этот не взглянул даже! Ну что ж, спасибо, хоть впустил.

Неторопливо ужинаю, прислушиваясь к шуму дождя и гадаю: что за фрукт этот хозяин. Рассмотреть я его толком не успел: вроде не стар еще – лет сорок с небольшим, высокий, сутулый. Хозяйственный – в доме чисто и аккуратно. Руки, видать, на месте, вон какой подсвечник смастерил из консервной банки: край жестянки ажурно изрезан, выгнут причудливо, гвоздем по кругу пробит замысловатый орнамент. С выдумкой сделано!

А что за книга лежала на столе? Сразу ее захлопнул и унес. Похожа на Библию. Странно. Сейчас все детективы да приключения читают. А тут тайга, пасека – и Библия!

Это после семидесяти лет советской власти и в крае, где на всю огромную территорию осталось только две-три церкви! Да и то, эти церкви в самых крупных городах. А отсюда до ближайшего города выбираться – ой-ой. Скоро и мне этот путь предстоит: отпуск-то проходит. Скорее бы дождь перестал, чтоб в оставшиеся

middle of a field; the smell of true summer. The room was lit by the amber aura of a flickering candle flame. Looking around me, the clean, whitewashed walls seem to breathe warmth. On the painted floorboards, which are covered by a homespun rug, are a stove, a table and a bench. On the far side is a door to the other room. The candle and a book lie on the table.

I toss my grub onto the table, and set my cherished flask beside it. The beekeeper came out of the other room, and in silence began to lay out a simple dinner for me: there were still some warm potatoes, a hunk of suet, an onion bulb, a bowl of aromatic honey, and a steaming pot of tea. He puts one fork, one spoon and one cup onto the table, making it evident that he would not be eating with me. He returns to his room, closing the door firmly behind him, without saying a word.

What a strange guy! Usually, according to Russian tradition, when someone stops in you sit over a shot glass, getting to know each other, and talk about world affairs, politics, the harvest or just life in general. This guy didn't even look at me! Well, he let me in at least, and I thank him for that.

I eat my dinner slowly, listening to the rain and trying to figure out what kind of a nut this guy is. I only got a quick look at him and he didn't look that old, I'd put him in his early forties, tall with narrow shoulders. He's good around the house, this place is clean and in order. He appears to be good with his hands, there's some kind of candlestick made out of tin. The edge has been delicately cut and bent

дни успеть нарыбачиться досыта, надышаться таежной чистотой допьяна.

Приятная истома растеклась по моему телу. Какая малость нужна иногда для полного счастья! За окном изливает свою душу сентябрь, толкается ветер, а здесь тепло, уютно, спокойно. Да, повезло мне, что не коротаю ночь в палатке под грохот капель, бьющих в брезентовую крышу.

Громко благодарю:

— Спасибо, хозяин! Где бы на ночь расположиться? — убираю со стола, нарочно звякая посудой. В ответ ни звука. Ладно, сам разберусь. Задуваю свечу, выхожу в сени, включаю фонарик и стелю себе в уголке.

Под шум непогоды стараюсь заснуть, но сон не приходит. Мысли толкуются суетливо, перебивают одна другую. А дождь все льет и льет. То затишье, то с новой силой обрушиваясь на отмякшую землю...

Ночью пасечник несколько раз выходил на крылечко, стоял под дождем, тяжело вздыхая, заходил; и как-то неудобно было окликнуть незнакомого человека, перекинуться с ним словом, завести неторопливый разговор, прожидая бессонное время.

Поздний рассвет подслеповато заглядывает в окошко. Дождь все шумит. Он мерно звенит каплями по какой-то жестянке. Усыпляюще шуршит по листве покрасневшего клена, ствол которого виден в окошко, а поникшая ветвь вздрагивает, стряхивая насевшую сырость, тарабанит по крыше.

Лежу и обдумываю: чем же заняться в такую погоду. Здесь бы остаться, переждать, да хозяин уж очень какой-то негостеприимный.

fantastically, and then a complicated pattern was indented into the metal. Thoughtfully done.

And what was that book that was on the table? He snatched it quickly when he left. It looked sort of like a Bible. Strange: these days everyone's reading mystery or adventure books. And here in the taiga, a beekeeper with his Bible!

This is after seventy years of Soviet power. In this entire huge region I bet there's only two or three churches left, and those are in the big cities. And to get to the nearest city from here—oh man. That's the route I'll be taking soon enough. My vacation will end. The sooner the rain ends the better, then I can get back out there and fish myself silly, getting drunk off the taiga air.

A pleasant lassitude flowed throughout my body. One needs so little to be completely happy sometimes. Behind the window September is pouring down its spirit, the wind is blowing, and in here it's warm, comfortable, calm. I sure am lucky to not be biding my time out in a tent under this thunder of raindrops.

I express my gratitude loudly:

«Thanks, master of the house! Where can I make my bed for the night?» Cleaning up the table I purposefully rattle the dishes. There's not a sound in return. Fine, I'll figure it out for myself. Snuffing the candle I go out into the porch, turn on my flashlight and lay out my sleeping bag in the corner.

Under the sounds of foul weather I try to sleep, but I cannot. A bustle of thoughts runs through my head, one after another. The rain continues to pound and pound. Sometimes it quiets down, only to roar back with new-found strength...

Открывается сенная дверь, и выходит пасечник. Не взглянув даже в мою сторону, сбрасывает щеколду, пихает плечом набухшую наружную дверь. Она распахивается, впуслав гул ливня и тяжелую прохладу отсыревшего воздуха.

Пасечник, стоя в проеме, смотрит вверх на тяжелые тучи, шумно вздыхает, оглядывает поляну. Внезапно охает и с искаженным лицом, пошатываясь как пьяный, вбегает в дом.

Что-то случилось! Быстренько выкарабкиваюсь из уютного спального мешка, бросаюсь к выходу и чуть не падаю от толчка выскочившего в сени пасечника. В руках у него ружье и патронташ. Не обращая на меня внимания, трясущимися непослушными руками вынимает патрон и пытается зарядить двустволку, хрипло шепча:

— Падла! Падла! Я т-те щас!..

Через его плечо пытаюсь сквозь пелену дождя разглядеть хоть что-нибудь. У омшаника под навесом, рядом с собачьей будкой шевельнулось рыжее пятно. Да это же... тигр.

Стоит и спокойно, по-хозяйски, обнюхивает дыру под омшаником, куда, очевидно, спряталась собака.

Щелкнули, закрываясь, стволы. Думать некогда. Хватаюсь за ружье, яростно шипя:

— Ты что, дядя, сдурел? Тигр в Красной книге!

И давлó, давлó изо всех сил на стволы, направляя их в пол.

Пасечник, лишь на мгновение опешив, рванул ружье к себе, в бешенстве дергая им во все стороны. Я сопротивляюсь что есть сил, отталкиваю черные зрачки стволов от себя вверх, вниз, вбок.

During the night the beekeeper went out onto the front steps several times. He stood under the rain, inhaled deeply, then came back inside. It would have been uncomfortable for me to call out to an unknown man, share a few words, maybe start an unobtrusive conversation while waiting for sleep to come.

The late, rainy dawn peers through the window half blind. The rain continues to fall; drops are ringing measurably on some kind of metal outside. The trunk of a maple is visible through the window, its leaves have already begun to turn. Its drooping branches quiver, shaking off the rain and clattering against the roof.

I lie and think about what I can do in such weather. I'd stay here and wait it out, but this guy isn't too hospitable.

The door from the main room opens, and out comes the beekeeper. Without a glance in my direction he throws open the latch and shoves at the stubborn door with his shoulder. It swings open, letting in a booming downpour and heavy, chilly, damp air.

The beekeeper, standing on the front steps, looks up at the dark clouds and inhales deeply. His eyes dart around the field. With a sudden gasp and a distorted face he reels like a drunk and runs into the house.

Something happened! I'm out of my comfortable sleeping bag in a flash, and running towards the door when I'm nearly bowled over by the beekeeper coming back out. He's holding a gun and cartridges. Paying no attention to me his shaking hands pull a pair of cartridges out of the box and try to load them into the shotgun. His hoarse voice

– Отцепись, сволота! – клокотало в его горле. – Она... Ромку... племяша... моего... А-ах ты!..

И он резко дернулся назад. Мелькнул кулак. Громко клацнули мои зубы. Голова откинулась. В затылок хрустко вбилося что-то остро-твердое.

Громыхая гигантским обвалом, обрушилась темень. Зазвенели колокольцы. Ярko вспыхивая, зароились кругами разноцветные светлячки. Завертелись, закружились, слепя. Колокола оглушают, гудят набатом, бьют, бьют в затылок...

Далекое-далекое детство... Сон надвигается, укрывает мягко и заботливо уставшие ноги и руки, подбирается к изголовью. Его отгоняют яркие события дня, что вспыхивают на темном экране сомкнутых век. А сон, отступив, подкрадывается опять, неторопливо, незаметно...

За стеной молится бабушка. Ее монотонный голос пробирается через пуховую подушку, вытесняет мысли, завораживает, помогает всепобеждающему сну.

Но тот словно чего-то выжидает. Слух напряженно ловит обрывки фраз, слова и держит на расстоянии медлительный сон.

– Господи, прости мя...

– Милая бабушка, ну сколько раз можно тебе объяснять: Бога-то нет!

– Прости и помилуй...

– Ну за что тебя прощать, такую добрую?

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

– Ну, все. Завтра спрячу иконку так, что не найдешь этот Святой Дух. И никакой Бог тебе не поможет.

whispers «He's caught! He's caught! I'm coming...»

I try to look over his shoulder through the shroud of rain to see something, anything. There, by the heated structure under the awning and next to the dog kennels, I see a rusty orange spot. A tiger!

He's standing and calm, sniffing at a hole in the structure where, it seems, a dog is hiding.

With a snap the barrels locked into place, and he raises it to aim. There's no time to think. Grabbing at the gun, I hiss «What are you nuts, man? The tiger's in the Red Book of endangered species!»

With all my might I knock into him, pushing at the gun so the barrels are pointing at the floor. The beekeeper, caught off guard for only an instant, jerks the barrel back up and starts waving it in all directions. I grab the barrel and try to keep its black eyes from looking into mine.

«Let go, you bastard!» The words explode from him, he's in a frantic state. «He...Romka...my nephew...damn you!»

He darts back sharply, and for an instant I see a fist then hear a loud smash against my teeth. My head reclines and I feel something sharp and hard crunch against the nape of my neck.

The giant rumble of collapsing darkness. The soft ringing of bells. Fuzzy, multicolor fireflies blazing brightly. Turning, spinning, blinding. The bells are now deafeningly loud. A foghorn drones...

I'm in my childhood... Sleep is drawing near, covering me softly and moving up my tired arms and legs towards the head of my bed. It chases

– Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...

Странная молитва какая-то: никогда бабушка ее не читала.

– Наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя, яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну...

Да ведь это не бабушкин, а дедушкин голос!

– Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти...

Что за чушь: дедушка-то у меня не верующий. Первый комсомолец, ветеран войны, председатель сельсовета. Да и жена его неверующая: колхозница, бригадир-передовик.

– Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей...

А другой дедушка на войне без вести пропал. Это его жена – моя бабушка, что каждый день молилась.

– Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего...

Так кто же это молится? Сквозь веки пробивается тусклый свет. Незнакомые, недетские запахи. И шум, постоянный шум. Как у порожиистой реки. Так я и есть у реки. На рыбалке. В отпуске. В тайге.

Ничего не понимаю. Открыв глаза, смотрю на незнакомый потолок, слушаю незнакомый голос, незнакомую молитву. Где я?

Пытаюсь повернуть голову, но болью блеснула в глазах, вытолкнула из груди стон и вернула память. Пасечник – сволота! Зверь – не человек!

Пробую встать, но в глазах от боли меркнет свет.

away the colorful events of the day that flare on the dark screen of my closing eyelids. Sleep, which had been receding, sneaks up again, slowly and unnoticeable...

My grandmother prays on the other side of the wall. Her monotone voice penetrates my down pillow, crowding out my thoughts, fascinating me and keeping sleep, for the moment, at bay. I can make out scrapes of phrases, the words keep me from plunging over the edge into sleep.

«God forgive me...»

My dear Grandmother, how many times do I need to tell you, God doesn't exist!

«...Forgive and pardon...»

What could you possibly need forgiveness for?

«...In the name of the Father, Son and the Holy Spirit...»

That's it. Tomorrow I'll hide your icons and you won't be able to find this Holy Spirit of yours. And no God will be able to help.

«...Have mercy on me, God, use Your goodness and Your generosity to cleanse my trespassing...»

Well this is a strange prayer. I've never heard Grandmother say it before.

«...I beg You to clean me of my illegal inclinations, I admit to them and to being sinful...»

Wait a minute, this isn't my grandmother's voice, it's my grandfather's!

«...Turn your face away from my sins and cleanse me of my illegal streak...»

What's going on here? My grandfather wasn't a believer. He was in the Communist Youth, a veteran of the war,

– Ты лежи, мил человек, – раздаётся рядом голос, – и прости меня, грешного.

Такое отчаянье послышалось в голосе, что я с удивлением открыл глаза.

Обхватив руками голову, сидит за столом этот “уголовник”. Обречённым взглядом смотрит в окно. И такая во всем его облике безнадежность и безысходность!

– Господи! – вдруг вырывается из его груди. – Ну, как мне дальше жить, Господи? Ну за что мне такое наказание?

Руки его безвольно упали на стол. Голова низко склонилась. Плечи судорожно передернулись.

– Ты чего, дядя? – спрашиваю, с трудом шевеля челюстью. – За что ты меня так? А если б убил?

Долгое-долгое молчание.

– Ты прости меня, парень. Прости хоть ты. Я-то ведь себя не прощу. Уж слишком нагрешил. Всю жизнь работал я здесь егерем. С начальством дружбу водил. Сколько зверя я перебил! Сотни кабанов, изюбрей, оленей. Бил зверя зимой и летом, ночью и днем. А кого мне тут бояться? Все друзья, все свои.

Случалось, и тигра стрелял, когда он попадался. Вредный зверь. Мешал он всем. То собаку утащит, то скотину у кого-нибудь задерет. Десять лет назад тигр тракториста в тайге съел, и начальство стало бояться охотиться там, где живут тигры. Если ж подстрелишь тигра, то в героях целый год ходишь. Убьешь, покажешь друзьям, похвастаешься, да и оставишь его воронам. А зачем он нужен? Шкуры у себя

a Representative of the Farmers' Council. His wife wasn't a believer either; she was a collective farmer, decorated as a leading worker.

«...My heart rises clean, oh God, and the spirit of rightness has been born anew in my core...»

And my other grandfather died anonymously during the war...It was his wife, my grandmother, who prayed every night.

«...Deliver me from the blood, God, my savior...»

So who is this praying then? A dim light penetrates through my eyelids. The smells around me are foreign; not from childhood. And there's noise, constant noise, like a raging river. Wait, I should be at a river. I should be fishing. I'm on vacation, in the taiga.

I don't remember anything. Opening my eyes, I find myself staring at an unfamiliar ceiling, listening to an unfamiliar voice say an unfamiliar prayer. Where am I?

I try to turn my head, but the pain of the movement burns my eyes. I moan and my memory returns. That bastard beekeeper! He's an animal, not a man. I try to sit up but again the pain is overwhelming.

«Lie still, dear sir,» says a nearby voice, «and forgive me my sins.»

I heard such sorrow in the voice that I opened my eyes in surprise. There sits the criminal, at the table with his hands clasping his head. He's looking out the window with a doomed look on his face. He exudes hopelessness and despair.

«Oh God!» he says suddenly, «How am I going to live after this? What have I done to deserve such punishment?»

дома вешать было как-то не модно.

А в позапрошлый год открыли границу, китайцы стали шкуры и туши тигриные покупать. Деньжищи громадные платили: две "тойоты" можно было купить, или дом хороший. Ну, кому везло, стреляли тигров, продавали, богатели.

Завидно мне стало, что столько их перебил, а живу небогато. И, как назло, перестали тигры на моем пути встречаться. Ну, не везет – и все. Как-то раз даже тигрицу с тремя большими тигрятами видел. Представляешь? С тремя! Вырастила, уберегла, выкормила! От красоты такой стою, не шевелясь, люблюсь. Да рука сама по прикладу скользнула до спускового крючка...

Но стрелять не стал, отпустил: пешком шел, а их все ж четверо. Встретил бы где на дороге, думать долго не стал: пострелял бы из машины всех.

Почти год по тайге мотался, тигра не встретил. Следов-то много, но специально за тигром по следу ходить – шибко рискованное дело. Да и догони попробуй, когда он без остановки пятьдесят километров через хребты прошагать может.

Как-то поехал на грузовике ночью в поля фарой светить, да по глазам звериным пострелять. У меня лучше, чем у других, такая стрельба получалась. Глазомер! В темноте только глаза светятся, и ничего больше не видно. Тут надо чувствовать, каким боком зверь к тебе повернулся, где у него убойное место.

В ту весну на молодые всходы пшеницы много зверья выходило. Изголодались после бескормной зимы по зеленой травке. Подъехал к полю,

His arms fall weakly to the table, and his head bows deeply. His shoulders shake with convulsions.

«What's up with you, man?» I asked, finding it difficult to move my jaw. «Why did you do that to me? What if you had killed me?»

A long silence.

«Forgive me, sir. Let me at least get some forgiveness from you; I can't forgive myself. I've sinned too much. I've worked as a ranger in these woods all my life. I was on good terms with my bosses. I've killed so many animals! Hundreds of boar, elk, deer...I killed them summer and winter, night and day. Who did I have to be afraid of? The authorities are all locals, all my friends.

There have been instances where I've come across tigers and shot them. They're harmful beasts; they bother everyone. They'll eat someone's dog, drag off someone else's cattle. About ten years ago a tiger ate a tractor driver out in the taiga, and the bosses became afraid of hunting in areas where tigers live. If you shoot a tiger, you walk around feeling like a hero for a whole year. If you kill one, you save a bit to show people, to boast, and leave the rest for the ravens. What's a tiger good for? It's not fashionable to hang a pelt on your wall.

And then the year before last the borders opened up, the Chinese started buying tiger pelts and carcasses. They paid tremendous money; enough to buy two Toyotas or a nice house. Whoever was lucky enough to kill a tiger sold it, and became rich.

This annoyed me, as I've killed so many in my day, yet here I live in squalor. As if to spite me, I stopped coming across

светанул фарой – есть! С правого края засветились глаза у табунка косуль, слева несколько изюбрей стояло. А между ними зелеными фонарями блеснули глаза тигра.

Ну, наконец-то, думаю, машину японскую куплю да квартиру обустрою. Прицелился, стрельнул. Тот – прыг в кусты. По прыжкам видно, что попал. Обрадовался. На рассвете, решил, я его найду, добыю, если живой будет.

Утром надумал напарника с собой взять: с раненым тигром страховка нужна. А кого пригласить, чтоб надежный был, не разболтал бы чего лишнего? Да родственника. Племянника Ромку. Недавно с армии пришел. Стреляет хорошо. С детства к охоте приучен. Но не нравилось ему это дело. Не любил зверей убивать.

Все же уговорил я его, и поехали. Приехали на это поле. Нашли следы – кровь тигра на траве, листьях – и пошли осторожно. Сразу крови много было, а потом все меньше. Нашли тигриную лежку. На ней кровь еще была, а потом перестала встречаться: зализал рану, значит. Изредка высохшая капелька попадется, и все. Потеряли след. И вмятины от лап на прошлогоднем листе да на сухой траве долго не держатся: подсыхает на солнце и выправляется смятый лист да трава. Ясно, что тигр пошел вдоль ключа.

Стали искать у ключа, не теряя друг друга из вида. А ключ в том месте валежинами завален, берега высокие, кусты густые.

На секунду только Ромка скрылся за завалом. Тут тигр на него и набросился. Парень выстрелил, да мимо,

tigers on my hunting routes. So, I'm not lucky, nothing to it. Once I even came upon a female tiger with three cubs as big as she was. Can you imagine? Three of them! She raised them, took care of them and fed them. I stood in awe, thinking about this and not moving. Then, instinctively and without realizing it, I had dropped into shooting position with my finger on the trigger...

But I didn't shoot, I let them go. After all, I was on foot, and there were four of them. If i had met them near a road somewhere, I wouldn't have even thought about it, I would have shot all of them right from my car.

I wandered around the taiga for nearly a year, not seeing any tigers. There were plenty of tracks, but it's incredibly risky to follow a tiger's tracks. Just try and catch up to a tiger that's capable of trekking fifty kilometers a day over ridges and through valleys without taking a break.

I'd often take a truck down to the field at night and spot deer. In the dark all you can see is their reflected eyes, nothing more. So in order to shoot you have to know to which side of the eyes the body is on. Me, I've got a great ability to sense this, better than most.

That spring many animals were collecting in fields to eat young wheat shoots, as the previous winter had been terrible and many ungulates nearly starved. I went down to the field, turned on my floodlights—gotcha! Over to the right, on the edge of the field, shone the eyes of a small herd of Roe deer. On the left were a few elk. And in between the groups my light reflected the green eyes of a tiger.

вскрикнул только... Не успел я!

Год уже прошел. Охотиться бросил. Осудили условно: начальство за меня заступилось. А тоска смертная. Ни днем, ни ночью покою нет. Руки на себя наложил бы, да дети у меня в райцентре малые.

Никого видеть не хочу. И тебя бы не впустил, да ведь родственник мне твой дед. Очень я его уважал. Отца моего спас от расстрела. Все мы в этих местах родились, все родственники. А какое здесь было село богатое, но прахом все пошло: разогнали и расстреляли чуждые советской власти кулацкие элементы. А название-то какое село имело! Звездочка!

Вот так и маюсь. Работаю да молюсь. Молюсь да работаю...

Затих голос. Снова шумел и лил дождь, бормотал и капал, отпевая и оплакивая неотпетое и неоплаканное этой земли.

“Боже, милостив буди мне, грешному... – вдруг донеслось из-под закрытых ладоней. – Упокой, Господи, душу невинно убиенного раба твоего Романа, и прости ему все согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное...”

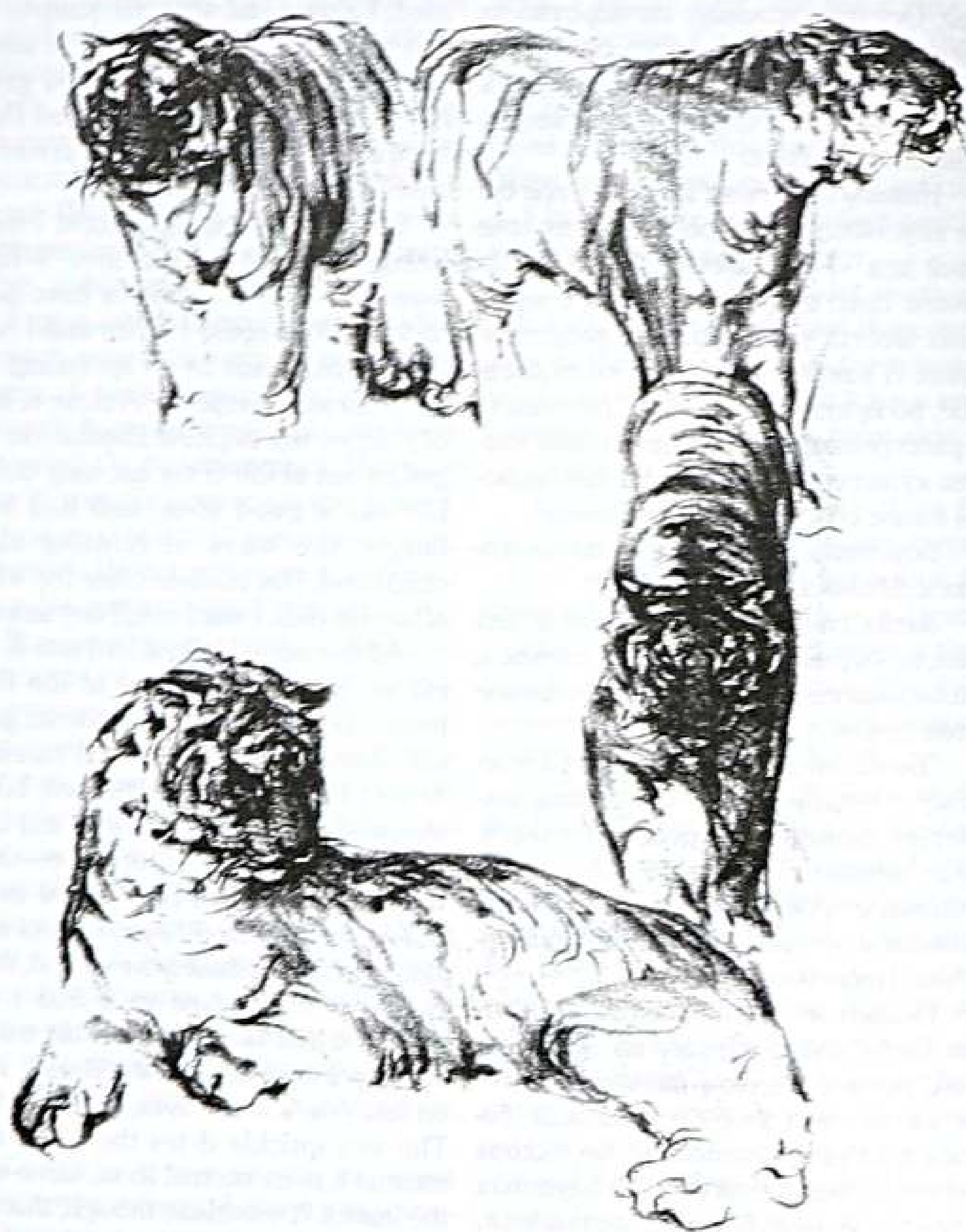
Рвалась из души грешника молитва. Выбиралась наружу из этой теплой, уютной пасеки, натыкалась, горячая, на холодные струи дождя, билась и металась неистово, не находя выхода, среди чужих равнодушных капель. И ослабевшая, остывшая, струилась тоненько все выше и выше...

Finally, I thought, I can get myself a Japanese car or an apartment of some kind. I aimed and shot. He jumped and was gone into the brush. By the way he reacted it was clear that I had gotten him. I was overjoyed. I decided I'd go back at dawn to find and—if he was still alive—kill him.

In the morning, I thought I might bring someone with me. With a wounded tiger it's nice to have some backup. Who could I invite that I could trust enough not to go spreading this news throughout town? A close relative of course; my nephew Romka. He had gotten out of the army not long before. He was a good shot, and had been taught the ways of hunting since childhood. But he didn't like the whole affair. He didn't want to kill any animals.

All the same I talked him into it, and off we went. We arrived at the field, found some prints, tiger blood on grass and leaves, and we followed carefully. At first there was a lot of blood, but as we continued there was less and less. We came upon the tiger's lair—there was some blood in there—but as we trailed on the blood drops disappeared altogether. He cleaned the wound, then. Every now and then we'd find a dry drop, but that was it. We lost his tracks. Tiger prints don't preserve very long on last year's dry leaves, nor on grass. The sun quickly dries the grass and returns it to its normal form, same with the leaves. It was clear, though, that the tiger had gone along the creek.

We began to search the creek, keeping in sight of each other. That particular part of the creek was obstructed by trees and brush felled in

a storm, the banks were high, the bushes were dense...

It was just for a second that Romka was hidden behind an obstruction, and that was where the tiger threw itself on him. He shot but missed, and he managed a scream...but I couldn't make it over in time.

That was a year ago. I quit hunting. The trial was prearranged, like I said I'm in good with the bosses, and they protected me. I'm in a morbid depression, there's not a minute day or night that I feel respite. I'd have killed myself by now, but I have a few young children living in the regional capital.

I don't see anyone. I wouldn't have let you in, but it appears that your grandfather is a relative of mine. I respected him a lot. He saved my father from execution, you know. In places like this where everyone was born, everyone's a relative. This used to be such a rich town, but that all turned to dust. The Soviets came in, chasing and executing all the Kulak elements of our society. And what a name the town used

to have; Little Star it was called!

Here I live my wretched life. I work and pray. Pray and work..."

His voice fades. The rain picks up again, muttering in trickles, as if reading the burial service and mourning for those of the earth who have no one to mourn for them.

«God, forgive me, I am a sinner...»

The sound carries through his palms, which covered his face.

«...Please, God, calm the spirit of your dead servant Roman, and forgive him of his sins intentional and unintentional... Allow him into your Heavenly Kingdom...»

The prayer burst out from the soul of the sinner. It made its way outside, still warm from the dry and comfort inside the hut. It ran headlong into the cold currents of rain, and tossed about in a frenzy, not being able to negotiate its way out from among the indifferent raindrops. Then it relaxed, cooled down, and flowed in a thin stream ever higher and higher...

НАУКА SCIENCE

Э-э, парень, притормози. Я тоже думал, что наука – это баловство: не нужна она мне, простому человеку. Что птичек считать да мышек потрошить – только деньги зря тратить, да дармовое разводить. Другое дело – кабана изучать, медведя, изюбря – с них хоть мясо, желчь, панты. Да и то – чего на них деньги тратить: не тревожь – они сами разведутся. А потом – не стреляй маток, да тигров поразгони, чтоб не мешали, и будет не тайга, а рай.

Пока Васька-друг меня не поучил, так думал. Вернее, тигр Ваську, или нет: я – тигра. Тыфу ты. Кто кого учил? Ну, в общем-то, я виноват.

Было это в позапрошлый год. На бензовозе я тогда работал. С Васькой охотились вместе, участок у нас был – ключ Березовый. Соболей ловили да мясо стреляли. По выходным вместе, а в будние дни Васька один капканы проверял. Я его попутно дово-

Hey, hold on buddy. I also thought that science is not important and of no use to a laidback guy like myself. Counting birds and opening mice is just a waste of money on people who earn their living like that. Now studying wild boar, bear, deer is a different story; at least they give you meat, antlers, gall bladder, etc. Even then, why spend money on them? Just leave them alone and they will breed nicely by themselves. Then simply don't shoot female animals or scare the tigers away and the forest will become a paradise.

At least, that's how I thought 'til my friend Vaska taught me better. To be more precise, a tiger taught Vaska, and Vaska taught me. Well, maybe I taught the tiger... Well, I am lost now, but it all started with me.

Two years ago, I was driving a gas tank truck for a living. Together with Vaska, I hunted in the area of Beryozoviy Creek. We hunted sable for fur and bigger stuff for meat. On weekends we went together and during work days Vaska checked the traps alone. Every day I gave him a ride to

зил до участка, а вечером забирал.

Так и в тот раз. Утром доехали до Березового. Договорились, что жду его на обратном пути до шести вечера. Если к этому времени он не выйдет, значит, перевалил в другой ключ, да на попутках домой сам возвращается. Как всегда. Обычное дело.

Ну, вот. Подъехал я в пять и жду. Гадаю, поймался ли соболь, что на Урале живет. Это скала такая – Урал, издалека ее видно, большая очень, с осыпью. Василий второй сезон не мог его поймать: профессор какой-то, а не соболь. Второй раз по своему следу почти не бегают, даже на приваде – под след, “на подрезку”, капкан ставить бесполезно. На переходах, по валежинам, капканы и петли или перепрыгивает, или обходит понизу – “очень крупный котяра” – его так и зовем. В ловушки вообще не заглядывает. Вот что ты с ним сделаешь? Васька и умные книжки читал, и по свежему следу за ним с собакой гонялся – ни в какую.

Да, жду я друга, скучаю. Глядь: впереди между деревьями тигр пробирается напрямик к трассе, перейти ее норовит. Я завожу и – к тигру. Стал напротив него, газую. Он здоровый такой, что лошадь – хвостом постегал по кустам, клыки поскалил, да назад.

Смотрю, он за леском крутанулся, да опять к дороге – в другом месте перейти. Я опять подъезжаю, останавливаюсь напротив, газую. Тигр попсиховал и опять назад. Сделал дугу и далеко за спину заходит.

Ага, думаю: неграмотный тигр – не знает, что машины и задним ходом

the hunting grounds while driving on my business and picked him up in the evening when coming back.

One particular day, things were going as usual. In the morning we got to Beryozoviy creek, I dropped off Vaska, and we agreed I'd wait for him on my return at the spot until 6 p.m. If he doesn't show up by then, that would mean that he had moved across the range into another valley and hitchhiked home by himself. That's the normal way that things happened every day.

On my way home, I arrived at our prearranged meeting spot around 5 p.m. While waiting, I began wondering if Vaska managed to catch the sable that lived by the Urals, a large crag surrounded by talus slopes that you can see from afar. Vaska had been unsuccessfully trying to catch that crafty sable for two years. It almost never followed its own tracks, so putting traps and bait on his path was useless. It either skipped over snares and traps set up on fallen trees along its routes or passed down under on the ground. “A really big cat” — that's how we referred to it. That sable wouldn't even give a cage trap a second look. What could one do about it? Vaska even read clever books and tried chasing it with dogs, but all in vain.

Well anyway, I was waiting for my friend and getting bored when suddenly, ahead of the truck, I saw a tiger walking among trees towards the road, obviously trying to cross it. I started the engine and drove closer to the tiger. I stopped the truck in front of the tiger and revved up the engine. He was as big as a horse. He whipped bushes with the tail, several times bared his teeth and finally backed off.

Then I saw that he went around a small grove of trees, got straight back onto the road

умеют. Даю задний ход. Останавливаюсь, газую. Тигр психует, а мне-то весело. Кабина у МАЗа железная, высоко над землей. Я те покажу, думаю, кто на трассе хозяин!

Снова полосатый крутанулся, и снова я – наперерез. “Хрена тебе!” – из окошка кричу. Тут он постоял, покрутил своим ушастым ящиком, отошел чуть подальше от дороги и лег под кедром. Лежит, на меня смотрит, только уши шевелятся.

Смотрю на часы: уже десять минут седьмого, смеркаться начинает. Ну, думаю, это на Ваську не похоже. Если бы опаздывал, то в воздух бы стрельнул: подожди, мол. Постоял еще минут пять и домой рванул – хозяйство-то не кормленное.

А потом что было!

Васька-то опоздал! Часы остановились у него, – забыл накануне завести. Говорит, даже слышал, как я отъезжал.

Ну вот, подходит он – уже дорогу видно, а навстречу – тигр! Встал на пути, рычит, не дает пройти. Ну, Васек заорал на него матерно всяко-разно и задом-задом отступил. Как всегда. Обычное дело.

Круг, говорит, с полкилометра сделал, обошел то место и опять к дороге. Только выходить, а тигр как сиганет из кустов навстречу! Ревет, хвостом бьет. Васек в ружье вцепился, орет. На мушке держит, стрелять боится: вдруг картечь такого слона не остановит?

Опять задом отходить, но тигр совсем озверел, кидается к самым ногам, лапицей с когтищами воздух загребает, грохочет рыком...

to cross it at a different spot. Again, I drove to him and revved up the engine. The tiger freaked out for some time and again backed off. Then he made a wide arc and tried to get to the road from behind my truck.

Well, being an inexperienced tiger, that tiger didn't know that trucks could move backwards. I backed up the vehicle, braked by the tiger and once more revved up the engine. The tiger freaked out, but I felt safe and secure in the truck's cabin, made of strong metal and set up pretty high above the ground. “I'll show you who's the boss on the road!” I thought.

The tiger made another arc and again tried to cross the road and again I cut off his attempt. “No way!” I yelled from the truck's window. He stood there for a while, moved his head from side to side and then moved away from the road to lay down under a pine tree, all the while looking at me and moving his ears.

Soon, it began getting dark. I looked at my watch and saw that it was ten minutes past six. “Well,” I thought, “it doesn't look like Vaska's coming; if he were late, he would fire a shot into the air asking me to wait for him. I waited another five minutes then started home to feed my farm.

The most important events happened right after that: Vaska was late! He'd forgotten to wind up his watch a day before, and it stopped. He even heard me taking off.

Well, as Vaska got close to our meeting spot and the road was visible, he saw a tiger standing in his way growling. He wouldn't let Vaska pass. Vaska yelled obscenities at him while backing off, just as we normally do under such circumstances.

He made an arc of about half a mile from the first spot and headed back toward the road. He almost reached it when the

Да, натерпелся Василий! Кто же знал, что такое может случиться? Что тигр мстить так будет?

Стоит Васек, не шевелится, – полосатый тоже стоит, рычит только. Как шевельнется, – сразу же кидается.

Сколько времени прошло – Вася не знает. Уже стемнело давно. Хорошо, что в десяти метрах от дороги. Грузовик спас. Издалека загрохотал пустым кузовом, осветил фарами деревья. Тут тигр не выдержал, пригнул голову и шмыгнул в сторону. А ноги Васькины как ватные. Ни на одну сопку, говорит, с таким трудом не поднимался, как на это дорожное полотно высотой полтора метра. Но успел, смог перед машиной встать. Довезли до дому.

Вот. А ты говоришь: нау-у-ка, нау-у-ка. Вишь, как природа мстит человеку. А сколько болезней те же мыши переносят? А речки мелеют? А леса сохнут? Нет, брат, без НАУКИ – нельзя!

tiger jumped from behind bushes, bellowing and whipping his tail from side to side. Vaska clenched his gun and yelled at the top of his voice. He pointed the gun at the tiger but was afraid to shoot. "What if the buckshot pellets will not stop such an enormous tiger?" he thought.

So instead, he started backing off again. But the tiger only became more threatening, moving closer to Vaska, swatting the air with a clawed paw, bellowing like a thunder. Vaska froze – the tiger also stood motionless, only growling. Every time the hunter tried to move, the tiger feigned attack.

Vaska didn't know how much time passed, but it was now long nightfall. Luckily, he was only meters away from the road, and finally, he was saved by a truck making noise and illuminating trees from far away. At this point the tiger gave away, lowered his head and quickly disappeared. Vaska couldn't command his legs as if they were made of wood. He said that he hadn't climbed any hill that was more difficult than the one-meter ditch he crossed while getting on the road. Still, he managed to get to the passing truck and was taken home.

There we go. And you scoff at science. Don't you see how nature avenges itself? Look at all diseases spread by mice. And what about rivers drying up and our forests dying? No brother, we cannot do without science to repair the damage we've done to nature!

НА-НА, HAVE A ПОКУРИ SMOKE

Слышь, браток, а что это нашего комбата "на-на, покури" обзывают? Он же, вроде, как и не курящий вовсе. Да и мужик солидный – все уважают. Много слышал кличек разных чудных, но эта совсем комбату не подходит. Вот и в нашем селе есть Тява, Суся, Зуля, Мальвон, Глэк – странные клички, конечно, но в чем-то они все-таки соответствуют своим хозяевам. А тут: "на-на, покури". Совсем не подходит.

– Так ведь клички-то неожиданно бывает к человеку липнут. Так и с комбатом. До твоего появления в нашем гарнизоне комбат курил. Еще как! Много раз бросал и – ни в какую. Все шутил, как Марк Твен: "Курить бросить легче всего: я это делал сто раз".

А потом бросил в один момент на охоте. Да, вышла такая казусная история. Охота тогда получилась не-

«Listen, brother, why is it that our battalion commander's called "Have A Smoke"? He is, it seems, not a smoker at all. Sure, he is a stand-up character; everyone respects him. I've heard a lot of wonderful nicknames, but this one doesn't seem to fit the commander at all. In my home village we have a Yelper, Gopher, Glack, strange nicknames of course, but all the same they somehow correspond with their owner. And then there's "Have A Smoke". It doesn't match at all.»

«Sometimes nicknames suddenly adhere themselves to someone. That's how it was with the commander. Before your arrival at our garrison the commander smoked, and how! He quit many times, but never for good. In joke he repeated Mark Twain's words «Quitting smoking is the easiest thing to do in the world. I've done it myself a hundred times.»

удачная: кабаны ушли от загонщиков по открытому месту, – никогда так не бывало, они всегда по самой чаще старались идти. Никто даже выстрелить не успел.

Вот собрались все, сидят, расстроенные, на гребне сопки, молчат, курят. Комбат прошел ниже и засел по нужде. И тут – тигр! Вышел сзади комбата и – к нему! Из-за спины идет прямоком! Подошел метров на пять, а все сидят, замерли, рты раскрыли. Хоть бы кто крикнул!

Тут комбат услышал шорох, обернулся... вытянул в сторону тигра руку, что-то сказал, и тигр... ушел.

Охотнички так и сидели, остолбеневшие, пока комбат к ним не подошел. Стали ахать, охать, хихикать, обступили комбата, по плечам хлопают, а он спокойный, "как танк", только красный, сигарета в зубах.

– Товарищ подполковник, – спрашивают, – что вы тигру-то сказали?

Комбат аккуратно затушил сигарету, закопал ее в землю и ответил: "На-на, покури".

And then he quit in an instant while out on a hunt. Yeah, it was an amazing thing. It was an unsuccessful hunt; the boars ran from their pursuers across an open area. They never do that; they always follow their usual paths. Due to surprise no one even got a shot off.

Everyone gathered together, and they were sitting dejectedly of the crest of a hill, sitting quietly and smoking. The commander went down lower to answer the call of nature. And there was a tiger down there! It came out behind the commander, and towards him! Behind his back and straight at him! It got to within five meters of him, and everyone sat, frozen, with mouths wide open. If only someone had yelled!

The commander heard a rustle and twisted around...he threw an arm up in the direction of the tiger, said something, and the tiger...went away.

The hunters sat there dumbfounded, and they stayed seated until the commander came back up to them. Then they began to ooh, ahh and laugh. They clustered around the commander and slapped him on the back. He stood there calmly, like a tank, only a little red, and with a cigarette clenched between his teeth.

«Comrade Lieutenant-Colonel,» they asked, «what did you say to that tiger?»

The commander carefully took a drag on his cigarette, crushed it into the ground beneath his heel and answered, «Have a smoke!»

МОЛИТВА PRAYER

Бог свидетель: не хотелось мне ехать. Хоть и пришла долгожданная весть, что обнаружены следы дальневосточного леопарда в заповедном районе, где когда-то он обитал. И вдруг сплошные сомнения. Но куда деваться — поехал.

Как чувствовал: вместо следов редчайшего зверя следы обыкновенной рыси. Целый день прошел напрасно! Останавливаюсь в задумчивости. Чем же сейчас заняться? Возвращаться на кордон неохота: никакого интереса сидеть в избушке одному, а потом готовить ужин для себя и сотрудников, которые придут затемно.

Скучающе оглядываю обступившие со всех сторон сопки и неожиданно понимаю, что с утра шумевший ветер куда-то исчез, захватив с собой сероватые зимние облака. Близкий

With God as my witness, I didn't want to go. Far Eastern leopard tracks have been discovered in an area of the Nature Preserve where the cat in past times lived. Despite the fact that this long-awaited news has arrived, I feel nothing but complete and utter doubt. Oh well, it's my duty. I have to go.

As I suspected, instead of the tracks of a rare animal, they belong to a common lynx. I walked a whole day for nothing! I stand, pensive. What should I do now? The idea of returning to the ranger's hut isn't compelling; I have no interest in sitting alone in that shack. Later on I'd make dinner for myself and my co-workers, who are arriving after dark. I glance around, lethargic. Low mountains surround me on all sides, and I suddenly realize that the fierce wind, howling since morning, has disappeared, taking with it gray winter

купол неба словно опирался на вершины седых сопок и светился ослепительной лазурью. Розовеющее вечернее солнце приятно пригревало и ласкало застывшую за зиму землю.

Хорошо-то как, Господи! Да ведь сегодня Первый День Весны! Наполненный желанием отрешиться от забот человеческих и воспарить над суетой земной, поднимаюсь по склону сопки и с удивлением обнаруживаю все признаки новорожденной весны: пряные проталины, осевший голубоватый снег, набухшие почки, прошлогодние зеленые травинки, робко выглядывающие из-под ледяных кристалликов. А краски-то, краски какие вокруг!

Путь загородила сухая валежина, словно приглашая присесть, дать отдых уставшим ногам и насладиться в полной мере тишиной, весной, природой, да записать впечатления дня в дневник. Строчки неторопливо ложатся на розовые от закатного света страницы. Последнее предложение, но рука испуганно дернулась от громкого звука треснувших рядом сучьев, наискось прочертив от незаконченного слова через весь лист. Сквозь густой кустарник полыхнул на солнце бок зверя. Тигр! Совсем близко! Я замер, надеясь остаться незамеченным. Все мысли и чувства заполнило только одно – передо мной тигр!

А он, выйдя из зарослей, сразу же заметил меня. Мгновенно подобрался, уши стали торчком, глаза блеснули зеленым светом. Этот леденящий взгляд проникал в самую душу. Вот это зверюга! Меня вдруг затрясло от громовых раскатов тигриного рыка. Словно гигантские каменные глыбы

clouds. The bright sky is contrasted against mountain peaks, and shines a blinding azure. The pink evening sun warms pleasantly and softens the winter ground.

«My God, this is wonderful! It's like today is the first day of spring!»

Overcome with the desire to forget the woes of Man and rise above my disappointment I climb a slope, and with surprise detect all the indications of an impending spring. Thawing patches of earth, deep snow subsiding, swelling buds, sheaves of last year's green grass peeking out shyly from under crystals of ice. Ah, the colors! What colors surround me!

My path is obstructed by windfallen trees, it's as if I'm being invited to sit for a while and give rest to my tired legs. I relax in the absoluteness of silence, spring and nature, and write my impressions of the day in my journal. I'm on my last sentence, but my hand jumps with a jerk, startled by the loud cracks of nearby twigs. My pen draws a line slantwise across the page. Through the thick brush, an animal's side blazes in the sun. A tiger! Very close! I freeze, hoping to remain unnoticed. All my senses and all my thoughts focus on one thing: There's a tiger in front of me!

Coming out of the brush, he notices me immediately. In an instant he got tense, ears alert and eyes sparkling green. His icy stare pierced me to my very soul. What an animal! The tiger's deafening roar caused me to tremble immediately. It's as if giant blocks of stone were turned over and crashed against each other. It seems that

перевернулись, сталкиваясь друг с другом и оглушительно грохоча. Казалось, все вокруг трясется от такого звука. Вот это глотка! Влажно блестящие клыки были четко видны в приоткрытой пасти. Они будто нацелились на меня и, покачиваясь в такт быстрым шагам, стремительно стали приближаться. А у меня никакого оружия – только ножик перочинный!

Ноги мои подбросили тело в боксерскую стойку, обреченно задрожали. Ладони беспомощно замельтешили перед лицом, отгоняя непрошеное видение. Голос, отчаянно вырвавшись из сдавленного страхом горла, воскрипел:

– Уходи! Уходи отсюда! Я тебе ничего плохого не сделал! Уходи!

Не дойдя до меня несколько шагов, тигр... остановился. В памяти моей лихорадочно вспоминалось все услышанное, прочитанное о поведении человека при встречах с крупными хищниками.

Взять себя в руки! Не поворачиваться к тигру спиной! Не отводить взгляд! Не делать резких движений! Не переставать с ним разговаривать!

И отчаянный, бессмысленный монолог побежал с моего языка и, казалось, лился тигру в морду холодной струей:

– Киса, ты же умница, большая, сильная, зачем тебе меня трогать? Ну давай разойдемся. Я – туда, а ты – в другую сторону. Я тебе ничего плохого не сделаю, у меня даже оружия нет. Ну, уходи, пожалуйста! Отпусти меня!

Тигр не двигался. Глаза его пожелтели, темные зрачки уменьшились и смотрели мимо меня. Понемногу ус-

everything around me quivers from such a noise. What a voice! Moist, shining canines were clearly visible in his half-open mouth. It's like they were aimed at me with menacing intent. But I haven't got any kind of weapon, only a butter-knife!

My legs, throwing my body into a boxer's stance, shake. My fists helplessly paw at the air in front of me, trying to ward off this uninvited vision. My voice, with a despairing wheeze, escapes my throat:

«Go away! Get out of here! I didn't do anything bad to you! Go away!»

A few paces away from me the tiger stops. My brain feverishly tries to remember everything I've heard and read about human encounters with large predators.

«Get a hold of yourself! Don't turn your back to the tiger! Don't break eye contact! Don't make any sudden movements! Keep talking to him!»

And so a despairing, senseless monologue rolled off my tongue, streaming across the tiger's face like water: «Kitty, you're a smart one, you're big, beautiful and powerful. What do you need me for? Let's go our separate ways. I'll go in this direction and you go in that. I didn't do anything bad to you, I don't even have a weapon. Leave, please! Leave me alone!»

The tiger didn't move. His eyes yellowed slightly, his pupils contracted and looked past me. I calmed down slightly. My petrified muscles begin to slowly relax. My heart, pounding in my throat and somewhere in my legs, released itself, reunited and went back to where it should be. The receding

покаиваюсь и я. Закаменевшие мышцы мои медленно расслабляются. Сердце, колотившееся в горле и где-то в ногах, опускается, поднимается, соединяется в одно, возвращается на место. Успокоенными толчками дает мозгам способность рассуждать. Улеглись и волосы, недавно от ужаса безысходности рвущиеся вверх и, казалось, отрывающие макушку.

Пока говорю, тигр не собирается нападать, пока смотрю ему в глаза, он не смотрит на меня. Может, рискнуть уйти? Дрожащая нога медленно приподнимается. Шаг назад. Сухой хруст сминаемых листьев пробился через беспрестанный разговор с тигром к его ушам. Резкий поворот тигриной головы, и мех замерцал при каждом шаге, заходящего за мою спину, зверя.

Неотрывно следя за действиями таежного владыки и поворачиваясь к нему, пытаюсь подальше отогнать страх, перехватывающий горло. По-немногу перестают дрожать колени; монолог, превратившийся в молитву, звучит уверенней, спокойней.

Успокаивается и тигр. Он останавливается, как-то равнодушно оглядывается вокруг, словно рядом нет никакого человека, но его подвижные уши не отвлекаются и сторожат меня. А я умоляю и умоляю царственного зверя освободить меня от его присутствия, уйти и больше к человеку так близко не приближаться!

Язык послушно работает, а голову распирает один-единственный вопрос: что делать? Что делать? Что делать? Зажечь спички? Хорошая мысль! А может, закурить? Вдруг запах дыма убьет его желание позна-

shock gives my brain the ability to assess the situation. It seems that a moment ago my hair follicles, which had been standing on end, would have popped off my head out of fear.

As long as I speak, the tiger makes no indication that he will attack, and as long as I stare into his eyes he doesn't look at me. Maybe I should risk leaving? I slowly move a trembling leg. A step back. The dry crack of crushed leaves breaks through my continuous conversation with the tiger and reaches his ears. His head turns sharply and he moves, fur on end, trying to get behind me.

I pivot on my heels, keeping him in front of me. I try to push away my fear, caught in my throat. My knees, to a degree, stop knocking. My monologue, which has turned into a prayer, conveys confidence and calmness.

It calms the tiger as well. He stops and looks around indifferently. It's as if a human isn't directly in front of him, although his erect ears aren't distracted for a moment and guard me. I implore and I beg the majestic beast to free me of his presence, to go away and never come this close to a human again!

My tongue works obediently, but my head screams with one singular question: What to do what to do what to do?

Light a match? Good idea! Maybe have a smoke? The smell of burning tobacco might quell his desires to get to know me better.

A hand slowly reaches into my pocket, gropes for a box of matches, and brings a little hope out into the light. But it's empty! I've got an extra supply of matches in my pack: I can feel them nestled comfortably against

комиться со мной поближе?

Рука тихонечко заползает в карман, нащупывает коробок спичек и извлекает эту маленькую надежду на свет божий. Пустой! А запасные спички есть в рюкзаке, в боковом кармане. Спиной ощущаю, как они там лежат уютненько, завернутые в полиэтиленовый пакет.

Попробовал скинуть с плеч лямки, но это движение вывело тигра из спокойного состояния, и он с угрожающим видом сделал несколько шагов ко мне, опять норовя зайти со спины. Поворачиваясь к нему, уговариваю, умоляю одуматься и понемногу снимаю рюкзак. Вот он, родимый, уже в руках! Но под моей ногой вдруг громко треснула веточка. Резкий поворот ко мне – и тигр, низко пригнув голову, решительно двинулся на меня. На спине его, при каждом шаге, поднимались и опускались бугры лопаток, словно отсчитывая каждый метр. Хвост полосатым удавом извивался то с одного бока, то с другого, подстегивая своего хозяина подойти ближе, еще ближе. Он словно передавал состояние натянутых до предела тигриных нервов, выписывая в воздухе дикую диаграмму. Прижатые уши тигра красноречивее всего свидетельствовали о серьезности его намерений. Мои руки, стиснувшие рюкзак, онемели, неспособные остановить полосатого дьявола...

Но тот опять остановился, опять не смог перейти границу, вымоленную мной у всех возможных богов и очерченную человеческой волей. Тигру не дано, оказывается, долго быть с натянутыми до отказа нервами. И неожиданная зевота исказила мгновение на-

my back, wrapped in a plastic bag.

I tried to slip the pack strap off my shoulder, but this movement brought the tiger out of his relaxed condition. Looking threatening, he came at me a few paces, again obstinately trying to get around to my back. I turn with him, facing him at all times, continue to speak and pray, and in the process wriggle off my pack. There they are, my dears! But under my feet a stick cracks sharply, and the tiger turns sharply. Lowering his head he moves towards me decisively. His shoulder blades make his back raise and lower with every step, as if counting the meters. The tail, like a striped boa constrictor, twists and coils from side to side, urging his master to come closer and closer. It's like the tail is a visual description of the tiger's nerves, drawing a wild diagram in the air. The tiger's drawn back ears exquisitely certified the seriousness of his intentions. My hands, squeezing the backpack, became numb and helpless to stop the striped devil...

But again he stopped; again he couldn't cross that border prayed for from all gods and made by human will. I pray to all possible gods that he won't find the courage to. It doesn't seem like the tiger can stand the tension for long. And then an unexpected series of yawns contrasted sharply with the predatory, determined face I had seen a moment before. His jawbones pulled away from each other, and from his throat flew a rumbling moan of nervous weakening. His scarlet tongue bent, saliva plopped slowly onto dry leaves. The blades of enormous fangs drew an amber light from the sun. They moved apart,

зад такую хищную и решительную морду. Челюсти словно отталкивались друг от друга, и из глотки вылетал рокочущий стон нервного расслабления. Алый язык выгибался, слюна тягуче шлепалась на сухие листья. Клинки громадных клыков янтарно светились на солнце. Они раздвигались, подрагивая в зевоте, и с хищным лязгом смыкались. Во время зевка глаза его меркли, закрывались, но, как только захлопывалась пасть, вспыхивали удивленной желтизной от нескончаемой монотонности человеческой молитвы.

Но вот зевота прошла, и тигр... стал тереть антенны усов и бакенбарды о прутья лещины, снимая нервное напряжение. Откусил веточку и, легонько ею похрустывая, стал гонять по пасти, словно щекоча каждый зуб.

А может кинуть изуверу что-нибудь? Рука нащупала в рюкзаке банку тушенки.

– На-ка говядинки!

И банка, сверкнув жестью, подкатилась к ногам супостата. Розовый нос закружился над банкой, глаза заискрились, словно отражая блестящую жесть. А ноги мои сами: шажок, другой, третий. Великое волнение овладело зверем, а рука моя уже стянула с головы шапку и швырнула на растерзание.

– На, ирод, чтоб ты подавился!

Лохматая, теплая, пахучая шапка осторожно сдавилась клыками. Заторопившиеся ноги, стремясь унести меня подальше от тирана, скользнули вдруг на крутом подтаявшем склоне, и я... падаю!

От неожиданности тигр вздрогнул, изготовился к прыжку. Отчаянье

shaking with the yawn, then closed shut with a clang. While he yawned his eyes were dull, half closed, but as soon as his mouth clamped shut they flamed an amazing yellow caused by the unending monotonous human prayer.

The yawning passed, and the tiger...began to relieve stress by rubbing his whiskers on hazel branches. He bit off a twig, and gently crunching it he pushed it all through his mouth, seemingly brushing the wood against all his teeth.

Maybe I could try throwing something at this monster? By groping, my hand found a can of minced meat in my backpack. And it's beef, no less.

I rolled the can, tin flashing, to the feet of my adversary. A pink nose circled above the can, eyes sparkled as if reflecting the flash of tin. My legs had their own ideas; one step, a second, and a third. The beast suddenly got agitated, but my hand had already pulled the hat off my head and flung it where it would certainly be torn to pieces.

«Here, you tyrant, I hope you choke!»

Canines closed carefully on the ragged, warm, furry winter hat. My legs, trying to get me as far away from the tiger as possible, lost their balance on a thawing incline and I...fell.

The tiger flinched out of surprise then tensed, ready to pounce. My despair bounced me immediately back with new strength, trying to exorcise this unclean power that's inevitably drawing nearer with raised fur and bared teeth.

He was only a pace away. His eyes looked directly into mine with self-

подбросило меня на ноги и выплеснуло с новой силой из опустошенной уже души заклинание против этой нечистой силы, что неотвратно надвигалась со вздыбленной шерстью и оскаленной пастью...

Ему остался только шаг. Уверенно и злобно его глаза смотрели прямо в мои. Этот взгляд вывел из моего повиновения все, кроме языка-спасителя, не давшего мощью человеческой речи сделать этот шаг.

Мгновения томительно тянулись, складывались в секунды, десятки секунд...

Голова тигра стала наклоняться, испытующий взгляд его слился с моим, обреченно-отрешенным. Шевельнулись мышцы его груди, и крючья когтей потянулись к моей ноге...

Руки мои медленно опускали рюкзак – призрачную преграду для мощной тигриной лапы...

Безысходность. Всего меня поглотившая безысходность. Минута. Другая. Третья...

Неожиданно взгляд зверя дрогнул. Задрожали над глазами длинные, утолщенные в середине волоски. Узкие ноздри осторожно вдохнули запахи рюкзака. Упругие усы громко зашуршали по грубой поверхности брезента. Воздух наполнился густым кошачьим ароматом, перебиваемым тошнотворным смрадом из тигриной пасти. Шаг назад... и зверь-исполин мирно улегся у моих ног...

Величавую грудь парадно украшала горностаевая белизна царского воротника, чистоту которого будто высвечивали, сбегавшие к середине груди, черные полосы. Огненным жаром

assurance. This glare took everything out of me, except for my ability to speak, and I hoped that the power of human speech would not allow him to take that final step.

The tiger's head bowed, his examining stare mingled with my doomed estrangement. The muscles in his chest shivered and hooked claws reached out towards my leg...

My backpack dropped from my arms, hardly a barrier against powerful tiger paws...

Despair. I was swarmed by despair for a minute, for two, for a third...

Unexpectedly the beast's gaze wavered. Thin nostrils carefully sniffed at my backpack's scent. Whiskers scraped against the trap covering, and the air was filled with a thick feline aroma, a nauseating, fermented stench from the tiger's mouth. He took a step back, and the beast peacefully lay down at my feet...

His massive chest was ceremoniously decorated by the ermine whiteness of a majestic collar, the brightness of which illuminated the black stripes that ran down the middle of his chest. His fur was like a blazing fire on his shoulders and sides. These colors emphasized the unusualness of his splendid coat. White spots behind his slender ears shone like signal lamps. Powerful, muscular paws pressed down on a carpet of last year's leaves, his deadly claws shone like steel. An intricate pattern of hieroglyphics were printed on his broad forehead, and he blended in fantastically with the light background.

Reach out and touch the miracle of

пыхал мех на плечах и боках. Эти цвета подчеркивали необыкновенность роскошного меха. словно сигнальными лампами светила белизна пятен тыльной стороны ушей. Мощные мускулистые лапы придавили жухлый ковер прошлогодних листьев, поблескивая сталью смертельных когтей. На широком лбу отпечатался замысловатый иероглиф, он очень четко выделялся на светлом фоне.

Протяни руку и трогай таежное чудо. Это высшее совершенство семейства кошачьих отряда хищных. Но тронь попробуй! И попробуй уйди!

Чудо лежало совершенно спокойно, внимая моему голосу, который сменил тему с молитв на современное состояние и перспективы охраны редких животных и, в частности, его – тигра. Как оказалось, очень неблагоприятного, бесчувственного, злого. В общем, настоящего узурпатора.

Неожиданно померкли краски цветастой шкуры: скрылось солнце. Яркий мех набирал синеву сумерек и на глазах растворялся в густоте вечерних красок, превращая тигра в невидимку.

Ночь в тайге рядом с тигром?! Только не это! Немедля нужно уходить! Потихе, аккуратней, без резких движений, с уверенностью в голосе. Только уверенный голос может спасти, защитить от нападения. И отвлекать тигра, откупаться от него всем, что есть в рюкзаке и на мне.

При первом же моем движении красавец встал и с угрозой ко мне потянулся. Стою, говорю, – он не двигается, слушает. Делаю попытку шагнуть, – с угрозой обнажаются клыки.

the taiga. This is the greatest creation in the cat family, the greatest predator. Just try and touch him! Just try to get away!

The marvel lay there completely at ease, paying attention to my voice, whose topic had turned from prayer to modern practices and possibilities for the protection of rare species, including of course, him, the tiger. As he turned out to be an ungrateful and unfeeling beast. In short, a true usurper.

The colors of his coat dimmed unexpectedly, the sun had become hidden. His bright fur gathered the blueness of dusk, and before my eyes dissolved into thick evening colors, rendering the tiger invisible.

A night in the taiga next to a tiger?! Anything but this! I need to get out of here, and quick! Quietly, calmly, without any sharp movements, with self-assurance in my voice. Only a confident voice can save and protect from an attack. And in order to distract the tiger, I'm going to have to pay him off with everything I have on my person and in my backpack.

Before I could move the tiger was up and moving at me menacingly. I stand and speak, and he stops, listening. I attempt to move and he threateningly exposes his teeth. My feet move away from the tiger, the tiger moves towards me, and twilight descends around the tiger.

My voice sounds with all its might, unnatural and foreign in this darkening, freezing world. The predator responds to the muffled sounds of my movements by making threats to lunge every time a twig breaks under my feet.

Finally a step, a second, a third. I'm

Нога шагает от тигра, тигр тянется ко мне, а сумерки спускаются к тигру.

И голос мой зазвучал на полную мощь, неестественный и чуждый в этом сумеречном, застывшем мире. Маскируя и заглушая шум моих движений и держа на расстоянии настырного хищника, делающего угрожающий выпад при каждом треске сучьев под моими ногами.

Наконец – шажок, другой, третий. Ухожу! Ухожу с этого проклятого места, хоть и под беспрестанным вражьим наблюдением. Неуклюже пятась, спотыкаясь и натыкаясь спиной на кусты и деревья.

Качнулась чернеющая небесная синь. Падаю! Проклятый, подтаявший за день, склон!

Свободная рука отчаянно ухватила за ближайшую ветку. Поздно! Тупая боль медленно заполнила тело, вошла в голову. Наваливаются со всех сторон тусклые силуэты деревьев. Вдруг из них вырисовывается что-то очень знакомое, ужасно знакомое... Оно плавно приближается, становится все больше, больше, заслоняет небо... Голова тигра! Рука отмахивается от ужасного видения, из нее почему-то вылетает моток веревки. Залетает прямо в пасть, сдавливаясь клыками. Ноги сами оттолкнулись от склона, и я стою. Одна рука крепко прижимает к груди рюкзак, вторая вцепилась в дерево. Рядом тигриные челюсти увлеченно откусывают по кусочку от прочнейшего капронового фала.

В голове исчезает боль, возвращается нормальное восприятие, а ноги, спасительницы-ноги, потихонечку:

leaving! I'm leaving this cursed place, although under constant hostile observation. A clumsy step back and I run my back into bushes and against trees.

The darkening deep blue sky reels. I'm falling! Damned slippery, thawing incline! My free hand grabs for the closest branch in despair. Too late! A dull pain, starting in my head, slowly fills my body. On all sides all I can see is the wan silhouettes of trees. Suddenly, among the trees a familiar shape materializes, a very familiar shape, terribly familiar... It's flowing closer, becoming bigger, bigger, taking over the sky... The tiger's head. My hands push out at this horrible vision, and from them fly a ball of rope, for some reason. It hits the tiger squarely in the mouth, lodging between teeth. My legs push away from the slope by themselves, and I'm standing. One hand holds my pack close to my chest, the other grips a tree. Nearby the tiger's jaws are enthusiastically tearing the durable nylon rope to shreds.

The pain in my head disappears and normal perception returns. My feet move slowly once, twice, thrice. One of my hands fumbles blindly in my pack for more tribute. My voice works with renewed strength, and I entreat the monster: «Stop it! I've had enough of your taunting and mockery!»

My hand pulls a fur-lined sleeveless jacket out of my backpack. The shine of new wool caught the tiger's attention. The jacket was torn from my grasp with a quick motion, thrown back and forth in the tiger's jaws, and was being reduced to pieces of flying wool. His movements relaxed and the jacket lay

шажок, другой, третий. Рука шарит в рюкзаке новую дань. С новой силой заработал язык, заклиная чудовище:

– Прекрати, наконец, издевательство над человеком!

Рука вытаскивает из рюкзака меховую душегрейку-безрукавку. Новая светлая овчина привлекла внимание тигра. Легкое движение – и душегрейка вырвана из рук, беспощадно терзаемая, безвольно трепыхнулась в клыках, роняя вырванные клочки овечьей шерсти. Клыки разжались, – и меховушка покорно легла беспомощным ковриком у ног таежного царя. Занятная штука: пахнет человеком, с виду очень знакомая, шерсть такая мягкая, только уж очень светлая. С таким бы удовольствием располосовал на клочки и разбросал вокруг! Но настоящий живой человек-то уходит: еще несколько шагов – и скроется за бугром этот шумливый и неуклюжий двуногий.

Сумерки ложатся на землю, обостряя охотничьи инстинкты тигра, подталкивая расправиться со странным незнакомцем. И охота началась!

По всем правилам тигриной науки приземистое тело прижалось к земле, слилось с лесной подстилкой, заструилось фантомом среди деревьев. Выдавая свою материальную суть лишь легким потрескиванием сдавливаемых кристаллов старого отмякшего за день снега, да осторожным шорохом сухих листьев. Наперерез. Привычный выход наперерез и прыжок из удобного места на спину жертвы. Но жертва почему-то не стремится скрыться, убежать. Она не сводит своего пронзительного взгляда, она не перестает забивать уши своими моно-

obediently and helplessly at the sovereign's feet.

An amusing thing: It smells like a man, it looks very familiar, the fur is quite soft, and very bright. With such pleasure was it torn to shreds and cast about. But the real, living human is leaving, a few more paces, and now this loud and clumsy two-legs is hiding behind a mound.

Dusk lay on the earth, bringing out the tiger's predatory instincts, encouraging short work to be made of this strange, unknown creature. The hunt has begun!

In accordance with tiger customs the squat body flattens on the ground, mingles with the forest underbrush, becoming a phantom among the trees. His material presence is betrayed only by soft crunches on softening, thawing snow, and the crack of dry leaves. Intersection. The typical method of intersecting prey is to jump out of hiding behind them. But this prey, for some reason, isn't trying to run away. It won't break eye contact, it won't stop making monotone noises—which ring of discomfort—but suppress the usual frenzy. It's funny cloud-white paws hold strange objects that smell as it does, strange and entertaining. And it never turns its back. The sooner the night obscures the human's stare, the better, then the tiger can unceremoniously show who is the master of this place. But for now it's imperative to not allow him to make it along the hill to the creek, where there's a road that leads to a human place. But spring twilight hurries for no one.

The hill's steep decline was bent and

тонными звуками, которые несут растерянность и беспокойство, отгоняя привычную ярость. Смешными лапами достает из своей оболочки-шкурки незнакомые предметы, пахнущие собой, такие занятные и удивительные. И никак не зайти со спины. Скорее бы ночь затушила взгляд человека, наполнила обычной тигриной бесцеремонностью повелителя этих мест. А пока не давать ему сойти с сопки к ключу, за которым дорога ведет к человеческому жилью. Но слишком неторопливы весенние сумерки...

Крутой склон сопки еще круче изгибался, заросшим уступистым обрывом спускаясь к ключу. Идеальное место для прыжка сверху. Что делать? Насколько видно, этот обрыв тянется далеко, а медлить нельзя, пока снег отражает слабеющий свет вечернего неба. Пока вижу тигра, надо уходить!

Цепляясь за молодые дубки, соскользнул на ближний уступ, что когда-то образовался на склоне вместо упавшего великана-кедра, поверженного одним из тайфунов и поднявшего своими корнями тонны земли. И сразу же на место, где я только что стоял, мягким прыжком опустился тигр, готовый в следующее мгновение прыгнуть в последний раз: напряженные лапы собраны вместе, спина выгнулась дугой...

Мой отчаянный возглас вывел тигра из равновесия: что-то в нем дрогнуло, лапы скользнули и громадная кошка беспомощно съехала прямо к моим ногам...

Растерянность и величайший конфуз обозначились на тигриной морде. Он отвернулся и, с видимым облегче-

twisted, thickets yielded to precipices and reached down towards the creek. An ideal place to jump from above. What to do? The ledge reaches as far as one can see. I cannot tarry, as the snow is still reflecting a weak light from the evening sky. As long as I can see the tiger, I need to go!

I crawl down to the closest ledge, gripping a young oak. The tree had formed at some point in the place of an ancient fallen pine, which had been blown over during a typhoon and whose roots had brought up with it tons of soil. And then, up where I had just been standing, the tiger appeared with a soft jump, ready in an instant to make a final lunge: paws tensely together, back arched...

My cry of despair upset the tiger's balance, something in him froze, his paws slipped and the enormous cat slipped helplessly all the way to my feet...

Perplexity and mass confusion clouded the tiger's face. He turned and with visible relief allowed me to climb down to the bottom of the shelf.

A flat place, and not far from the trees the creek churns, but darkness suddenly crops up on all sides and the tiger dissolves into it. Maybe he went away? Of course not, he was following my tracks down with too much determination. He's probably stealing up on me somewhere. The noise of the water drowns out all other sounds. My eyes strain into the darkness until they hurt, but I can't see anything. To my side, among the trees, comes a shaft of light. A minute ago there had been none. A ghostly spot appeared slowly...the tiger's

нием, позволил мне спуститься до самого конца обрыва.

Ровное место, недалеко за деревьями шумит ключ, но темнота как-то неожиданно навалилась со всех сторон, и тигр растворился в ней. Может быть ушел? Да нет: слишком решительно он спускался с обрыва следом за мной. Наверняка где-то рядом, подкрадывается. Шум воды глушит все шорохи. Глаза до боли всматриваются в темный лес. Ничего подозрительного. Только сбоку появился просвет между деревьями. Минуту назад там просвета не было. Рядом медленно возникло призрачное пятно. Тигр ползет ко мне! Легкие мои набрали больше воздуха, уставшее и охрипшее горло с усилием выпустило очередную молитву, нелепо и неестественно пробивающую густую темень. Молитва, казалось, с усилием пробиралась через ночной лес, так же, как и человек, натываясь на невидимые ветки, норовящие попасть в глаза, на каждом шагу спотыкаясь о корни, валежины, пни, проваливаясь в ямы. Тигр лежал на расстоянии прыжка и не шевелился. Что его удержало, уже в который раз, от последнего движения? Почему он опять останавливается в самый неудобный момент, на грани жизни и смерти своей жертвы?

Делаю полукруг, обходя затаившего тигра. Он перебежками сокращает расстояние, постоянно исчезая в темноте, все выбирая удобный момент для нападения. Каким-то неизвестным чутьем угадываю, где он находится, что предпринимает. И, делая круги и петли по ночному лесу, каким-то чудом избегаю встречи с ним.

crawling towards me! My lungs drew in air, my tired and raspy voice began again and slipped into prayer, absurd and unnatural in the thick darkness. It seemed that my prayer fumbled through the forest, as a man would, tripping over unseen branches, falling in holes, stumbling over roots, windfallen trees and stumps with every step.

The tiger lay motionless, ready to pounce. What has stopped him so many times from making the final move? Why has he hesitated so many times on the line between the life and death of his victim?

I do a half-circle and go around the hiding tiger. He keeps his distance, constantly hidden in the dark, waiting for the right time to make his move. Somehow I can guess where he is, what he's doing. By making circles and chanting through the night forest I'm managing to avoid him somehow.

Suddenly the tiger disappeared. I don't feel his presence nearby, and this made me even more afraid. What's he up to? Where is he waiting? I move carefully towards the creek, avoiding all areas where the tiger could be hiding. Between the trees a light shines, the moon's reflection on the creek. A sudden leap and a dark silhouette materializes in front of me. With the last of my strength I scream obscenities, I stomp at the ground with my feet, and I break branches, shaking them at the unmoving beast. Darkness obscures the details of the tiger's figure, I can't see his face or anything else, save his determined silhouette. The silhouette grows longer, becomes closer...and the tiger goes by me.

Вдруг тигр исчез. Чувствую, что нет его поблизости. От этого стало страшнее. Что он замыслил? Где поджидает? Осторожно подхожу к ключу, обходя все подозрительные места, где может затаиться тигр. Уже виден просвет между деревьями, поблескивает вода. Внезапный прыжок и темный силуэт возник передо мной. Из последних сил выкрикиваю уже ругательства, вне себя топчу ногами шумливую листву и трескучие сучья большой проталины, руками ломаю ветки и швыряю в сторону замершего зверя. Темнота скрывает подробности тигриного облика, не дает разглядеть выражение морды, виден только его решительный силуэт. Силуэт удлинняется, становится выше, и... тигр уходит в сторону.

Торопясь и спотыкаясь на скользких валунах, перехожу ключ, уговаривая ноги не оступиться, не поскользнуться, чтоб не упасть на глазах стерегущего зверя. Перешел. Вглядываюсь в противоположный берег: тигр подошел к воде, нагнулся к ней, шумно полакал. Высоко подняв голову, он внимательно следил, как я, спотыкаясь, преодолевал последние метры до дороги.

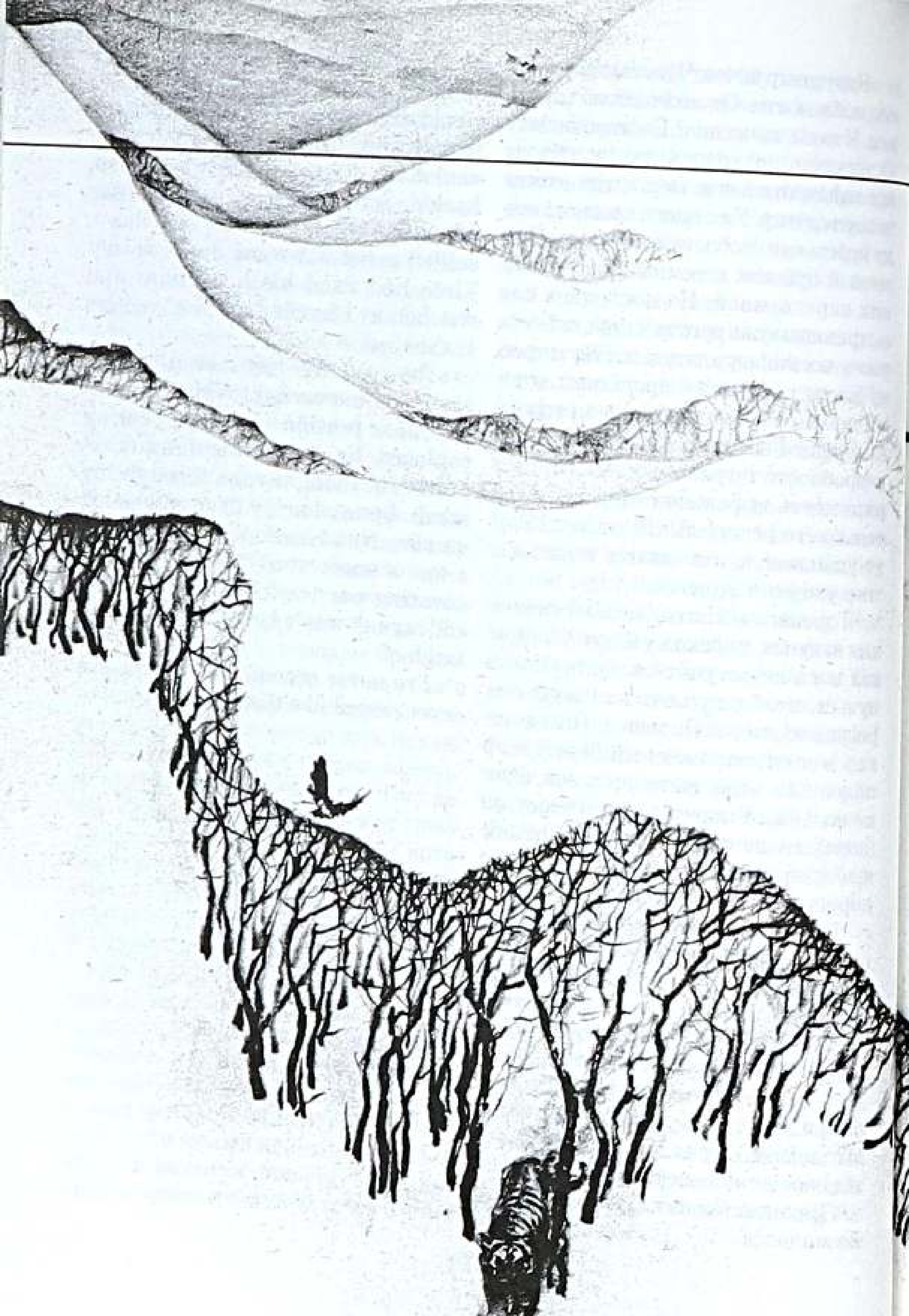
Дорога. Ноги торопливо зашагали по ровной поверхности. С каждым шагом спадало внутреннее напряжение и наваливалась нечеловеческая усталость. Только в голове сидело навязчивое: "Тигру молился – тот жить оставил, теперь Богу помолиться, чтоб из прилетевших тучек снег до утра не высыпался, следы все не спрятал, а то ж коллеги не поверят, засмеют..."

Никогда так не каялся, никому так не молился..."

Hurrying and stumbling over slippery stones I begin to cross the creek, urging my feet to keep moving, to not slip, to not be seen by the vanished tiger. I made it across. Looking across to the other bank, I see him at the creek's edge. He bent down, sniffed at the water and drank noisily. Then he raised his head high and watched as I lurched the final meters to the road.

The road. My feet moved quickly along its even surface. With each step the inner tension was disappearing replaced by incredible fatigue. A persistent thought runs through my mind: «I prayed to the tiger, and he left me alive. Now I need to pray to God that a ton of snow won't fall by morning, covering our tracks. Otherwise my colleagues won't believe me; they'll laugh..."

I've never repented so much, I've never prayed like that...

КОНФУЗ

EMBARRASSMENT

Ну скажи ты мне, Иваныч: почему мне так не везет? Вот ты чуть не каждый месяц тигра встречаешь. А я десять лет уже прожил в районе, но все не удается на него посмотреть. Только следы... – вдруг, ни с того ни с сего, прервал вой двигателя директор лесхоза. Сидел же, дремал.

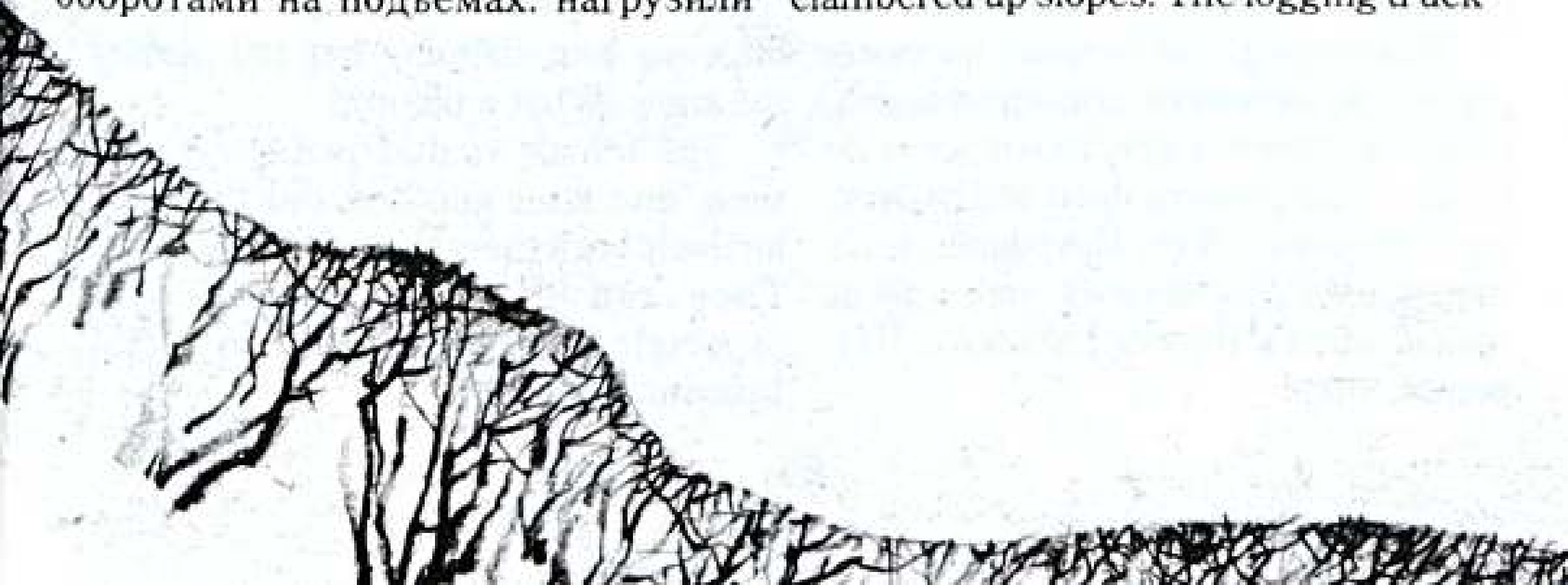
– Тебе что, Петрович, сон дурной приснился? Ну, не видел – и черт с ним. Хоть зверь интересный и красивый, но я, как увижу тигра, будто душу кто перевернет. Неприятно. Вот и удэгейцы говорят, что встреча с амбой приносит несчастье.

Заснеженная колея лесовозной дороги крутилась вокруг валежин и скал узкой долины горного ручья, сползала с обрывов и карабкалась на склоны. Лесовоз осторожно пробирался колеей, звеня максимальными оборотами на подъемах: нагрузили

«Tell me, Ivanich, why don't I have any luck? You seem to come across a tiger just about every month. I've lived in this region for ten years already but I haven't gotten a look at one. Only tracks.» The director of the forest service spoke suddenly and out of nowhere, his voice interrupting the motor's incessant drone. He had been sitting there, dozing quietly.

«Did you have a bad dream or something, Petrovich? So you haven't seen one. To hell with them,» I said, «Sure, it's an interesting and beautiful animal, but every time I see a tiger I feel like the wind got knocked out of me. It's unpleasant. The Udege¹ say that meeting an amba² brings misfortune.»

The snow-covered path of the logging road wound around windfallen trees and steep cliffs of mountain river valleys, crawled along precipices and clambered up slopes. The logging truck

сегодня как никогда. Небось кубов четырнадцать. Да, никак не меньше.

Ну Петрович: спал же всегда, когда со мной на лесосеки ездил. А тут, посреди пути – как кто толкнул: "Ну скажи ты мне, Иваныч, почему тигра не встречу?" Оно, конечно, интересно хоть разок взглянуть на такого зверюгу. Но это как повезет.

– Отец вот мой всю жизнь лесником в заповеднике работает, но тигра так ни разу и не встретил. Много раз и рев его слышал, и следом ходил. Но вот не видел – и все тут. Не судьба. А в позапрошлый год, помнишь? Из Москвы на день ко мне проездом родственница заезжала дальняя. Тайги никогда не видела! Так не успел автобус с перевала спуститься: нате вам – через дорогу тигрица с двумя годовалыми тигрятами переходит. Сама перешла, а тигрята автобус увидели, посреди дороги легли, как в засаде. Прижались, говорят, съжились и ни с места.

Стоит автобус. Перед ним в пятнадцати метрах два тигренка, а неподалеку в кювете мамка их нервничает, хвостом по снегу бьет. Картина!

Рыкнула тигрица два раза, тогда только тигрята, друг за друга прячась, в кювет попятились. К мамке прижались, а тигрица давай их лизать-целовать. Картина! Отошли потом от дороги метров за сто и давай играть!

Водитель двери открыл, пассажиры все из автобуса повыпрыгивали, стоят, руками машут, ахают, себе не верят. А тигрица-то прыг к автобусу: идет. Веришь – нет, Петрович, за секунду двадцать человек через дверь прощелось! Во рекорд! Тако... Петрович, тигр!

carefully forced its way onward, on the top of its engine power: it's loaded down today like never before. There's got to be fourteen cubic meters of lumber back there. At least.

«Well, Petrovich, you always sleep when you go with me on excursions to cutting areas. And now, in the middle of our trip it hits you: «Tell me, Ivanich, why haven't I seen a tiger?». Sure, it's interesting, even to catch just a glimpse of such an animal. But you need to have luck.

My father worked his whole life as a forester at the nature preserve, and he never saw a tiger. He's heard their roars and followed their tracks, but he's never actually seen one. Tough luck.

The year before last, if you remember, I had a relative come to the Far East to visit me from Moscow. She'd never seen the taiga before! The bus had scarcely made it through the mountain pass when, there you go, a female tiger with two yearling cubs crossed the road in front of them. The female cut across, but the cubs saw the bus and lay in the middle of the road, as if in an ambush. The cubs sat there, so they say, flattened to the ground and not moving from their spot.

The bus stopped. Fifty meters ahead of them are the two cubs, and not far off in the road-side ditch is their mother fidgeting and slapping her tail against the snow. What a picture!

The female roared twice and only then, one after another, did the cubs furtively back themselves into the ditch. They ran to their mother, who proceeded to lick and groom them. Imagine!

Вывернув из пихтовой рощи, лесовоз по пологому спуску полегоньку скатывался, тихо бормоча двигателем. Навстречу, по-хозяйски ступая, вышагивал крупный самец. Не меняя шага, свернул за молодые кедрушки.

Петрович ожесточенно скребет замерзшее стекло, но ничего не увидел.

Торможу напротив места, где свернул тигр. Опускаю боковое стекло и, поискав взглядом среди зарослей, вижу тигриный бок у валежины.

— Петрович, вот он! Вот! Да вот же!

Петрович старательно сверлит взглядом заросли, но ничего не замечает.

Then they moved off some hundred meters from the road, and began to play!

The driver opened the door, all the passengers jumped out, stood, ooh'd and ahh'd, not believing what they were seeing. The female turned and began moving towards the bus. Believe it or not, Petrovich, but all twenty or so passengers had squeezed back through that door in one second. A record! And so — Petrovich! A tiger!»

Pulling out of a grove of fir trees I slowed the truck, the motor straining on the incline and humming quietly. Moving towards us, marching imperiously, was a large male. Not changing his pace he turned towards the young korean pines.

Petrovich scraped at the frozen, icy glass of his window but couldn't see anything.

I braked across from the spot where the tiger had turned in to the thicket. Rolling down the side window I looked searchingly among the brush and saw the tiger's side by a windfallen tree.

«Petrovich! There he is! There! Right there!»

Petrovich assiduously drilled his eyes into the brush, but couldn't make anything out.

The tiger moved, and began to circle around to the left of the vehicle.

Wheezing despairingly the director opened the door, stealthily moved around the cab and looked across the engine hood.

He doesn't see anything!

I poke my finger in the direction of the animal, and with my fingers I outline three pines in the air, behind

Тигр шевельнулся и стал обходить лесовоз слева.

Отчаянно крикнув, директор открыл дверцу, прошел, крадучись, вокруг кабины, выглянул через капот двигателя...

Ничегошеньки не видит!

Тычу в сторону тигриного бока, пальцами рисую в воздухе три кедрушки, за которыми притаился тигр.

Не видит!

– Да вот же он! – шиплю, высунувшись в окно, и тыкаю рукой многократно в тигриный силуэт.

Петрович, выглядывая, старательно таращится, ищет, ищет – не находит! Тигр не двигается, и Петрович не видит!

Ну, Петрович! Смотрю на тигра, на его танцующий хвост. Нога нащупала пятак акселератора.

Па-а-а-а! Ахнул эхом сигнал.

Огромными крыльями взмахнули полы овчинного тулупа взлетевшего на капот директора. Громыхнула над головой жесть кабины.

Бух! Хлопнула дверца.

Ш-ш-ш-ш-ш! Тутая струя воздуха от мелькавших у моего носа кулаков была в ноздри.

Кулаки рвали воздух у моих глаз, подбородка. Потрескивали швы прищемленного дверцей тулупа. Тише, тише. Слабеют рывки.

Уф! Пронесло! Газу!

which the tiger is hiding.

He doesn't see!

«He's right there!» I hiss, sticking my arm out the window and pointing repeatedly at the tiger's silhouette.

Petrovich, looking every which way, searching and searching, can't find it! The tiger's not moving and so Petrovich can't see it!

Come on, Petrovich! I'm looking at the tiger's twitching tail. My foot slowly gropes for and finds the horn pedal.

Hooonnnkkk! I blare the signal.

With the huge wings of a flapping sheepskin coat the director leapt up onto the hood, over the roof, and into the cab.

The door slammed with a crash.

I can hear the sound of wind, and I feel the forceful stream of air pushing into my nostrils, a result from the fists trying to reach my face but unable to.

Fists tore at the air in front my eyes and chin. He can't reach me. Seams from his sheepskin coat snapped from the tension of being caught in the door. He becomes calmer, quieter. The spasms relax.

Well, the danger's past! Let's go!

1 Native tribe indigenous to the Russian Far East

2 Udege name for tiger

СИЛА ЖИЗНИ

THE FORCE OF LIFE

И чего же мне не спится, в который раз подумал, ворочаясь на жестких нарах. Вроде и набродился вчера от души, проверяя капканы, да и день выдался удачный: пара собольков попалась. Один так себе – третий цвет, а другой – красота! Крупный самец густой дымчатой окраски, с темной головой, без горлового пятна, с черной полосой по хребту. А по всему меху – искристая, переливистая проседь.

Пора вставать, наверное. Сегодня надо успеть побыстрее проверить последний путик, да и домой. Зажег свечечку, посмотрел на часы: еще семь – успею до рассвета позавтракать, прибрать зимушку да уложить рюкзаки. Но что так тихо?

Запальнул лампу, накинул куртку,

As I turn onto my rigid side I wonder again why I can't fall sleep. I feel like I had a good outing yesterday, I checked my traps, and the day turned out to be fruitful. I caught a pair of sables. The first one was alright; a tri-color, but the other: what a beauty! It was a large male with thick smoky colors; he had a dark head without any spots on his neck and a black stripe down his spine. All his fur sparkled with iridescent streaks of gray.

Well, it's probably time to get up. Today I have to check my last route and then make it home. Lighting a match I check the time: seven o'clock...I'll have time to eat breakfast, clean up my winter hut and gather together my pack before the sun rises. Why is it so quiet?

I lit a lamp, threw on my coat, grabbed my pot and pushed open the frozen door

та позавтракать, прибрать зимушку да уложить рюкзак. Но что так тихо?

Запалил лампу, накинул куртку, взял котелок и толкнул пристывшую дверь. В клубах теплого воздуха засветились, кружа, мелкие кристаллики. Снежок... Поэтому и не спалось. Пальца на четыре подсыпало, и все. Небо уже очистилось – вон звезды как мерцают. И тепло. Но, наверное, еще снег будет: ветер крутил вчера во все стороны, да и хмарь долго собиралась. А снежок пушистый, сухой – наступаешь как на вату. Хорошо по такому скрадывать. Да, тепло: даже вчерашний ледок в ручье растаял. Следы... Ты смотри! Только что тигра вокруг зимовья крутилась. Чего ей тут надо?..

Пятое утро, как тигр с пустым желудком. Для взрослого зверя это пустяк, но тигр не привык так долго ходить впроголодь. Самый удачливый в округе, он не упускал случая задавить подсвинка или изюбря просто так, пусть и насытился недавно парным мясом. Природа создала из самых совершенных хищников самого совершенного, но и ему пришлось пройти не один десяток километров по рыхлому снегу, по льду ручьев и ключей, а добыча не попадается. Нельзя сказать, что оскудел его участок, занимающий два больших ключа, берущих свое начало под высоким скалистым хребтом, но и у везучих бывают дни неудач.

А эта ночь подсыпала снежком, застала живность на местах, да там и оставила: кто же тронется с лежки без особой нужды в такую пору? Конечно, обнаружить добычу стало

of my shack. The swirl of warm air lit up the surrounding small crystals. Snow...that's why I didn't sleep. Change in atmospheric pressure sometimes keeps me awake. The sky is already clearing up—I can see the glimmer of stars, and it's warm. There'll probably be more snow, though: Yesterday the wind was whirling in from all sides, and the clouds have been gathering for a while. The snow is fluffy and dry, like wadding. I can conceal myself better in these conditions. It sure is warm; even the top layer of ice on the creek has melted. Tracks...look at that! A tiger had recently been walking around my winter hut. What does he want around here?

It's now the fifth morning that the tiger's gone on an empty stomach. For a grown beast it's a trifle, but a tiger isn't used to going so long half-starved. He's the most successful predator in the region, and never misses taking down a boar or a deer to gorge himself on the steamy meat.

Of the perfect predators created by nature that are tigers, he is the most perfect, but he's had to go tens of kilometers in the loose snow, across icy creeks and springs, and he can't find any prey. You can't say that his territory has lost its abundance of prey, it encompasses two sizeable creeks, which begin on a high precipitous mountain ridge. But even the lucky have fruitless days.

That night snow fell, gluing the grouse to where they sat. Who'd be crazy enough to be caught without a lair at such a time? Of course, it's become harder to locate prey, but on the other hand such conditions make it easier to conceal oneself. Such snow is rare here: completely dry, miniscule and absolutely

трудней, зато какие условия для скрадывания. Редко здесь бывает такой снег: совсем сухой, мелкий-мелкий и абсолютно бесшумный при ходьбе. При каждом шаге он словно расступается под лапой, а затем обволакивает невесомо, мягко, тепло. Еще бы хоть чуть ветерок задышал, а то все мириады запахов уплывают вверх, к этим слабеющим звездам. Но с восходом солнца закончится это сонное царство, холодные вздохи проснувшихся вершин все дальше и ниже оживят застывшие макушки кедров, качнут ветви, проверят одежды корней.

Рассветает. Ну, пошел. Рюкзак – на спину. Малопульку – на левое плечо, карабин – на правое. Рукавицы – за пояс, нож – на месте, патроны – взял. Ох и красота вокруг! А тишина – только звон в ушах. Так спокойно все, даже грустно чуть. По свежему снегу не спешит зверь из убежищ, поэтому – что глядеть под ноги? Если и будет след, то сразу в глаза бросится. А так – иди, наслаждайся сказкой вокруг, да не забывай дышать мягкой свежестью.

Впереди, справа под сопкой, стоит молодой пихтач. Пушистые деревца в рост человека, словно обнимая друг дружку, притихли под пуховой накидкой. Пихтач тянется вдоль ключа, забираясь по склону вверх, скрывается за стволами и кронами взрослых кедров, берез. Издалека видно: с краю сбит снег с ветвей, а снизу взрыхлен росчерками следов. Кабаны? Изюбри? По-прежнему ни ветерка, ни звука. Надо бы подстрелить – лицензия есть, но и возиться некогда. Да, ладно – пойду потихоньку, там видно будет. Мо-

silent underfoot. With each step the snow practically moves aside under the paw, and as a result one feels weightless, soft and warm. There's no wind at all, and so he can't catch a scent. All smells are wafting upwards towards the dimming stars. Since dawn the sun has been awakening this dream-like world. Cold sighs of wind begin to rouse the summit and revive frozen Pine crowns and their branches sway, checked by the icy layer covering the bark.

It's getting light. Well, time to head out. Pack's on my back, small caliber rifle's on my left shoulder, carbine rifle's on my right one. Mittens are on my belt, knife's in place, I've got my cartridges.

Ah, what beauty surrounds me! The only thing I hear is silence. Everything's so calm, it's almost melancholy. In fresh snow animals don't flush from their hiding spots as easily, so no need to look for the tracks too diligently. Any new ones will stick out. And so I go, delighting in the surrounding fairy tale, breathing in the soft freshness.

Ahead, to the right below a hill, I see a stand of young firs. The downy trees are about a man's height, tightly packed against each other and covered by a fluffy mantle of snow. The trees cling to the edge of a creek, and climb up the slope, becoming hidden by the trunks and crowns of grown pines and birch. From afar it's clear that on the edge of the stand snow has been knocked off the branches, and underneath it has been loosened up by a flourish of tracks. Boars? Red deer? As before there's neither sound nor wind. I ought to shoot it, after all I have a hunting license, but on the other hand I don't have too much time. Anyway, I'll

жет и стоит рогац между пихточек: они любят в эту пору в таких зарослях отстаиваться. Несколько шагов, постоял – тихо. Опять прошел – не видать никого. Тропа ныряет в снежный город, поворачивает от сопки к ключу. Тихо приподнять поникшие ветви, взойти на буторок, посмотреть, послушать, да и дальше.

Под сопкой мягкий шорох. Рука тянется к карабину. Взметнулась сзади снежная пыль. Прыжок! Еще! Прямо ко мне! Руки тянут карабин через голову. Тигра!!! Оглушающий рык, взметнувшаяся громада, пасть, смрад, клыки перед глазами, хруст в голове, боль, выстрел, темнота...

Солнце вспыхнуло на склоне сопки, и глубоко внизу, у ключа, сразу умерли сумерки. Каждый комочек на ветвях вобрал в себя, сколько мог, лучей и светился нежно изнутри неуловимо голубым, искрясь желтым прозрачным теплом.

Путь пересек свежий росчерк изюбриного следа, к нему приближался еще один.

Добыча рядом! Мягко ступавшие лапы мгновенно застыли. Заходили под густой шерстью бугры мышц, настораживая тело. Напряглись подвижные уши, взгляд, прощупывая каждую бороздку взрыхленного снега, потянулся дальше, дальше, а упершись в стену заснеженного пихтача, пробивал лапник, различал каждую потревоженную ветку, отмечая ход зверя. Могучая грудь вбирала, втягивала изо всех сил через узкие ноздри все существующие запахи. Добыча рядом! В тяжелом черепе в доли секунды перерабатывалось все увиден-

approach quietly, from there I'll at least be able to see what it is. Maybe there's a stag among the fir stand; they love to settle into such thickets in conditions like these. I take a couple steps and wait—quiet. I see nothing and start again. The path dives into this snowy city, turning from the hill towards the creek. I quietly raise the drooping branches, stand on a snowy mound, look around, listen, and continue on.

Below me, under the hill, I hear a soft rustle. My hand goes for the carbine rifle. Snow powder flies behind me. Something jumped! And again! Right at me! My hands raise the rifle before me. A tiger!!! A deafening roar, a leaping mass, jaws, stench, canines in front of my eyes, my head crackles, pain, I shoot, darkness...

The sun exploded across the hill's slope and deep below, by the creek, twilight died immediately. Every lump of snow on the branches absorbed as many of the rays as it could, and from within an imperceptible blue shone softly, sparkling with yellow spectral warmth.

His path intersected a fresh display of Red Deer tracks, and nearby were more. There's prey close by! His softly stepping paws instantly froze. Under thick fur the knotty muscles of his body become alert. Agile ears straining, he looks around feeling every barb underfoot in the loose snow. He continued slowly. Coming up against the snow-covered wall of firs, he made his way through the boughs, scrutinizing every turned branch, determining the beast's path. His powerful breast inhaled, and with all his strength drew in the smells through his nostrils. There's definitely prey close by! Within his thick skull, in a matter of

ное, услышанное, почуянное. Совсем нет движения воздуха. Значит, скрадывание наугад, наудачу. Самое главное – увидеть, услышать, угадать первому. Надо обходить под сопкой: изюбри от опасности все время стараются уходить по крутому склону вверх. И лапы, с необъяснимой нежностью сминая снег, торжественно, аккуратно задвигаясь, плавно неся громаду тела, готовые в любой миг застыть, закаменеть в любом положении, даже самом неудобном, и оставаться так долгие минуты.

Впереди сплошная завеса заснеженных пихт. Тело застыло, впитывая все вокруг. Выбрав путь, тенью скользнуло под крайние отяжелевшие ветви и поплыло медленно, но верно по, казалось бы, непролазному, нерушиму снежному царству. Под напором мощной груди лапник нехотя клонился, отодвигался в сторону, пропуская зверя и, почти нетронутый, плавно занимал свое место, сея снежную пыль.

Каждый волосок покрылся сверкающими кристаллами, и тигр забелел, заискрился неотличимо от снежных бугров. Шаг, остановка. Еще, остановка. Добыча уже где-то совсем недалеко. Надо застыть и ждать. Ждать, может быть, и не один десяток минут. Только долгое терпение и абсолютная неподвижность могут обмануть такого чуткого и осторожного зверя, как изюбрь. Даже такое неуловимо-легкое дыхание не должно выдавать присутствия.

В кристальной неподвижности воздуха пробежали изломы звука: еле различимо зашелестел ручеек, сбегавшего с широкой ветви снега. Сам или не

seconds, everything seen, heard and attainable was processed. There's absolutely no wind. That means that remaining concealed from his prey will be nothing more than guesswork. The most important thing is to see, hear, and guess first. He has to circle around under the hill: Red Deer, as a rule, always try to get away by running up the steep slope. His paws compressing snow with inexplicable tenderness move with solemn precision, fluidly carrying the body's mass. They are ready at any instant to turn to stone, freeze up in any position, even the most uncomfortable, and stay like that for a long time.

Up ahead stands the continuous veil of snow-covered firs. His body tenses, taking in his surroundings. Selecting a route, he slips like a shadow under the first branches heavy with snow and slowly but surely moves ahead through a seemingly impassable thicket. Under the pressure of his powerful breast, the boughs bend against their will, move to the side, and let the animal pass, smoothly returning to their places and causing snowy powder to fall down.

Every hair covered with snow crystals, the tiger becomes white, sparkling and indistinguishable from the snowy mounds around him. A step, and he pauses. Another step, another pause. His prey is close by somewhere. He needs to freeze and wait. The waiting might be for a while. Only patience and absolute immobility could deceive an animal as sharp, cautious and elusive as a Red Deer. Even his soft breathing shouldn't give away his presence.

A sound broke through the crisp, immobile air. It was a hardly discernable

сам? Нет, в таких условиях снег сам не слетает: слетел с чересчур наклоненной кем-то ветки. Значит, там кто-то шевельнулся. Ждем дальше. Теперь основное внимание в направлении этого звука. Еще неясный шорох с того же места – добыча там. Теперь подождать, когда изюбрь тронется с места, подобраться еще чуть ближе за поваленное дерево, выждать момент и можно спускать тугую пружину натянутых мышц. Пошел, – идет на сопку. Следом еще шаги – идет пока сюда. Тихо – стоят, прислушиваются. Опять шаги второго. Точно – идет прямо сюда. Ближе. Еще ближе. Встал: можно различить уже его дыхание. Пора! Мгновенно распрямляются сжатые мышцы. Прыжок! Второй! Тело послушно взлетает над пихтачем. Взгляд, устремленный в цель, различает среди просветов темнеющего зверя. Из глотки вылетает рык-приказ своей жертве: «Стоять!!!» Третий прыжок, и под занесенными лапами – ЧЕЛОВЕК?! В сторону! Но в грудь уперся молодой клен, сломавшись под весом зверя, больно пропоров ребра, заклинил дыхание. И лапа, способная перешибить любой хребет, проломить любой череп, вполсилы бьет в человеческую грудь. Клыки сомкнулись на круглом хрустнувшем человеческом черепе. Выстрел. Пороховая гарь. Назад! Подальше от человека!..

Ничего не вижу. На глазах что-то теплое, липкое. Кровь! Скорей – снегом! Горят огнем лоб и затылок. Не дотронуться. Надо перевязать, а левая рука – чужая, не поднять и дышать больно. Оружие, рюкзак – долой! Да

whoosh as a stream of snow fell from dense branches. Did it fall by itself? No, in such circumstances snow doesn't fall by itself. Something put too much pressure on one of the branches. There must be something moving around over there. Wait a little longer. Now, though, he will pay particular attention to the direction of that sound. Another muffled rustle from the same area; there's definitely prey over there. He has to wait until the deer moves from it's spot and then he'll sneak up a little closer to the fallen tree. There he'll wait for the moment to release the taut spring that is his straining muscles. It's moving, coming towards the hill. More steps follow, at this point heading this direction. Everything's quiet; it's stopped and is listening. The steps resume. It's definitely coming right here. Closer. Even closer. It stopped; He can hear it's breathing. It's time! In an instant his compressed muscles extend and he leaps once, then again. His body flies through the pines and rushing towards his goal spots a shadowed animal among the shafts of light. He flings a roar from his throat, commanding his victim not to move. A third leap, and what's this under his raised paws? A HUMAN?! Get away! But propped against his breast was a young Maple, which had broken under his weight. It jabbed his ribs, making inhalations painful. His paw, made to crack any spine, fracture any skull, hits the human chest half force. His canines closed with a crunch over the human skull. A shot. The burning of gunpowder. Back! Further away from the human!

I can't see anything. There's something warm and sticky covering my eyes. Blood! Quick! Cover the wound with

поосторожнее. Куртку, душегрейку, свитер, рубаху. Майкой – перевязать. Ох и льет в глаза! Ничего – потуже. Так, вроде полегче. Одеться. Мутит, тошнота, красные круги. Надо вставать. Темнота, лечу...

Нет, надо потихоньку совсем, не напрягаться. А руки-ноги ватные. Стою. Вокруг все серое с красным. Тихо, тихо, спокойно! Полегоньку – шагать. Надо шагать! ШАГАТЬ!

Иду. Земля уходит, опрокидывается. Не торопиться. Тропа – вот она. С нее – ни шагу. Потихоньку, потихоньку. Ноги дрожат, задыхаюсь. Еще тише. Спокойней. Так. Так...

До вертолетной площадки с километр по тропе. Там мотоцикл. А на нем еще по дороге двадцать километров до села. Так много. Только бы дойти...

Шаг. Еще шаг. Еще... Падаю. Под руками деревцо. Спасло. ПАДАТЬ НЕЛЬЗЯ!

Так громко, больно стучит в голове: «Иди! Иди! Надо идти!»

Иду... Какой вязкий снег. Ох и тяжело. Но надо. НАДО! Иначе – конец... Так глупо. Так глупо и обидно. Нет, врешь! Я иду!

Сколько же можно идти? Шаг. Шаг. Долго и так трудно. Не спотыкаться, не падать. Лучше – медленнее. М-е-д-л-е-н-н-е-е. Идти. Идти. А вот и ключ перед вертолетной площадкой. Уже немного. Совсем немного и – мотоцикл. А сил нет. Совсем нет. А вот и подъем. Как на него? Под рукой – сушинка. Обломалась у корня. Хорошо. Можно опереться. Отдохнуть. Но сразу подгибаются ноги. О, господи! Черт возьми! Надо шагать! И раз! И еще раз! И еще! Н-е м-о-гу! Можешь! М-

snow! My forehead and nape burn like fire. I can't touch it. I need to dress it, but I can't lift my left arm, and it hurts to breathe. Off with my pack and guns! I need to be more careful. Off with my coat, vest, sweater, shirt. I'll use my undershirt as a bandage. Oh, blood's trickling into my eyes. I'll just wrap the bandage tighter. There, that's better. Get dressed. I feel sick, I'm overcome by nausea, and I see red circles. I need to get up. Darkness, I lie down...

No. I need to move, but slowly and without any strain. My arms and legs are like wadding. I stand. Everything around me is gray and red. Take it easy—step forward. I need to step... FORWARD!

I go. The ground comes out from under me. No need to rush myself. There's the trail. I can't stray from it. Slowly, slowly. My legs shake, I feel like I'm suffocating. Calm down; walk slower. Like that. Just like that...

I've got a kilometer to go along the trail to the helicopter pad. My motorcycle's there. Once on the bike it'll be another 20 kilometers to the village. That's a lot. If only I can get there...

A step, another, then another. I fall, a young tree props me up. DON'T FALL! «Move! Go! Have to move!» The veins in my head pulse so loudly and painfully.

Onward... what sticky, hard snow. I have to get on. It's the end of me otherwise. How stupid. How stupid and offensive. No... Lies! I'm... moving!

How much farther can I go? One foot forward, then the other. I can't stumble, I can't fall. It's better to take it slowly. S-l-o-w-l-y. Forward I go. There's the creek right before the helicopter pad. Not too much more to go. A little further and I'll have a

о-ж-е-ш-ь! Дойдешь!..

Вот поляна: вертолетная площадка. Под кустом – мотоцикл. Идти уже совсем не могу. Так тоскливо. Больно. Мотоцикл – то вот он, то скрывается пеленой. Не опускать глаза, не закрывать. Вокруг туман, такой плотный, тяжелый... А мотоцикл вроде ближе, значит, все-таки иду... Вот и он. Можно дотронуться рукой. Дошел все же.

Теперь завестись. Кран. Карбюратор. Ключ зажигания. Не заводится. Подождем. Отдохнем.

А ну, еще разок. Порезче бы, по-сильней, но сил совсем нет и качает – еле стою...

Гад, – не хочет. Еще! Еще раз! Вот сволочь! А ну!..

Сколько же я лежу? Мотоцикл стоит. Почему же не заводится? Все время так легко заводился. В любой мороз. А без него не дойти. Куда там! Двадцать километров. Надо завести. Иначе – конец. Сюда никто не придет. Надо завести...

Еле удержался за руль. Хорошо – крепко стоит, а то бы прямо на меня упал. Нет, тут что-то не так. А как найдешь причину – мороз. Костер бы. Нет, не смогу. Упаду в снегу – не встану.

Что же ты, железяка, подводишь? Из-за тебя пропадать? Ну нет! Я тебе сейчас устрою! Я тебя сейчас... Спалю к чертовой матери!

Хорошо горит мотоцикл. Жарко. А в голове бьет, бьет... Что же я делаю? Без него же не выберусь! Снегом! Быстрее! Вроде не успел погореть...

Работает! Завелся! Пусть поработает, прогреется. А в уши отдает – нет

motorcycle. I have no strength left, none at all. I feel a tree against my arm. Dry and gnarled, it's broken off at the root. I can lean on it; I can rest. But my legs immediately die under me. Oh, Jesus! Goddamnit! I've got to move! One step forward! Another! Again! I c-a-n-'t. Yes you can! Y-o-u c-a-n d-o t-h-i-s! You'll make it!

There's a clearing: the landing pad. In the bushes is the motorcycle. I can't move any more. It's so miserable. It's so painful. There's the motorcycle, hidden among the brush. Don't lower your eyes, don't close them. A dense, solid fog surrounds me. The motorcycle seems closer, more or less, so I'm on a little more. There it is. I can reach out and touch it. I made it after all.

Now I need to get it going. The tap. The carburetor. I turn the key. It doesn't start. Let's wait a bit and rest.

Try it again. I need to cut it harder, but I'm shaking and I have no strength... I'm hardly able to stand. Damn it, it doesn't want to start. Again! Again! You bastard!

How long have I been lying down? Why won't the motorcycle start? It's always been so easy to fire it up regardless of how low the temperature is. I can't get to where I need to go without it. Twenty kilometers. I need to get it going, otherwise it's the end of me. No way for me to walk all the way from here and nobody will come up here. I've got to get it going...

I can scarcely hold onto the handlebar. Alright. Luckily, it stands firmly, otherwise it'll fall over right on top of me. Something's clearly not right here. But how can I find the reason with the motorcycle covered in frost? I would need to make a fire. No, I can't. If my

терпения.

Поеду! Жалко, шапку потерял. Да и черт с ними – с ушами. Застегнуться. Рукавицы надеть. Ну что – будем пробовать. Сидеть вроде легче. Теперь плавно, без пробуксовки, тронуться, выехать на колею и по колее. Еду...

Так больно тарахтит мотор. Заснеженная колея петляет между деревьями. Когда все это кончится? А быстрее нельзя: занесет – упаду. Деревья медленно проплывают мимо, еще медленнее подползает под колесо колея. Как во сне. А может, это сон? Да нет, не сон – мороз колюче выдувает глаза, немеют скулы, нос, подбородок. А с бровей растут красные сосульки.

Вот теплый ключ – вода никогда не замерзает. А это плохо – с обеих сторон под снежком скользкая наледь. Все против человека. Оказывается, так легко пропасть. Пять километров уже проехал. Еще три – и поля. Там уже не колея, а хорошая дорога. Хоть замерзло все лицо, а голове стало полегче: не так кружится уже. Даже думать легче. Так как же переехать через ключ? Выход один – с разгона выскочить на противоположный берег. Хоть мелко и берега невысокие, а здесь и останешься в зимней воде с мотоциклом. Ну, терять нечего. Газу!

Разлетелись брызги темной воды. До черноты в глазах сцепились зубы. Удар переднего колеса о лед. Прыжок вверх. Медленно-медленно разжимаются руки. Мотоцикл плавно летит куда-то далеко-далеко, клонится сильнее, сильнее, ложится на бок, скидывает с колеса комочки мокрого снега. А колесо крутится, крутится. А комочки

exhaustion causes me to drop, I won't get up.

So, you hunk of metal, what kind of bind do you have me in? I'm going to die because of you? I don't think so! I'll fix you good! I'm going to burn you all the way to the devil's mother!

I pull out the tube connecting the gas tank with the carburetor, and gas drips onto the icy engine. I light it. The motorcycle's burning pretty good. It's hot. And my head pounds, pulses... What am I doing?! I can't get out of here without the motorcycle! Throw snow on it! Faster! It looks like I managed not burn the whole thing...

It works! I got it going! Let it run a bit and warm up. The sound echoes in my ears with pain. Let's go! It's too bad I lost my hat. To hell with my ears. I button myself up; put on my mittens. Well, let's give this a shot. Sitting, it seems, is easier. Now, smoothly and without going crazy, get out to the road. I'm on my way...

The motor's rumbling pains through my whole body. The snow-covered track dodges between trees. When is this all going to end? I can't go faster: if the bike skids, I'll fall. The trees swim by slowly, the track under the wheels crawls by even slower. Like in a dream. Is this a dream? Of course not. The frost is stinging my eyes, numbing my cheekbones, nose and chin. Red icicles are hanging from my eyebrows.

There's the warm creek that the path crosses—the water in the middle never freezes. This is bad: the track dips down to the creek, and on both sides, under the snow, is very slippery ice. Everything's against me. It turns out that it's quite easy to die. I've already gone five kilometers. Another three, then the field. By then it's

слетают, слетают, слетают. Все медленней, медленней. Меркнет вокруг...

Что это булькает? Сквозь ресницы проступает путаница ветвей, ясно видная на сером фоне тучи. А прямо – чистое окно тусклого зимнего неба. Попробовать шевельнуться. Руки действуют, а ногам опоры нет. Да и совсем их не чувствую. Осторожно повернуться на бок. Теперь понятно: лежу на наледи. Вода, оmyвая ичиги, приветливо булькала, журчала, шелестела пузырьками, что-то нежно лепетала. Вот же еще напасть: просочившись поверх голенищ, обесчувствовала, забрала все тепло из ступней. Теперь – на живот. Перед глазами – лужа крови. И сразу подогнулись руки, соскользнули ноги, колени опустились в неунывающие быстрые струйки. Скорее на берег. Какой скользкий под снегом лед! Всего-то два метра, не больше, и ровное место. Завалившись на бок, лежит на колее мотоцикл. А руки только глядят эту проклятую горку, ноги только бороздят склизкую темную гальку. Не за что зацепиться, не во что упереться. Вот же попался! Как же вылезти? А! Взять и просто встать в воду. Встал. А как дальше? Ногой на лед не встанешь, а с обеих сторон к наледи подступают засугробленные, обрывистые берега. Ну и дела! Не обойти, не выйти. В другое время бы: прыжок, другой – и все проблемы. А теперь и стоять непросто – качает. Как бы в воде не растянуться. Уже начинает пробираться дрожь. Ну так как же, как? Ножом ступеньки! Так, попробуем. Опуститься коленями на лед. Сместить поблизости снег. Острый конец ножа только оставляет маленькие выбоины,

a good road, not this track. While my whole face is frozen, my head's gotten better. Things aren't swirling like they were before. It's even easier to think. So how am I going to get across this creek? There's only one option: with a running start I can get enough momentum to make it up the opposite icy bank. The water's shallow and the bank isn't too steep, but in my condition it's possible I'll end up stuck at the bottom. Well, I've got nothing to lose. Gas!

I smash with a spray into the dark water. My teeth are clenched so hard I see darkness. The front wheel hits the ice. My hands, ever so slowly, come loose, and the motorcycle is flying somewhere far away. It turns hard, then is lying on its side, throwing wet snow off its back wheel. The wheel continues to spin, but slower and slower. My surroundings fade...

What's that gurgling sound? Through my eyelashes I can see a tangle of branches clearly visible against the gray background of storm clouds. Straight ahead I see a window to the dull winter sky. I try to move. My arms have motion, but my legs have no bearing. In fact I can't even feel them. I carefully turn onto my side. Now it makes sense; I'm laying on the ice, and my legs are in the water. It washes around my leather hunting boots, cordially gurgling and murmuring with the rustle of bubbles. And another misfortune: the percolating cold has taken all the warmth out of my feet. I turn onto my stomach. In front of me, in the icy snow, is a pool of blood. My arms give way, my legs slip out from under me, and my knees buckle into the water. To the bank, quickly! How slippery ice can be under snow! All in all

с каждым ударом вскрывая в голове новый приступ боли, гася порциями свет вокруг. Топор бы: два удара и – готово. Но топор остался в рюкзаке.

Надо встать, отдохнуть: невозможно уже стоять на коленях. Вот это номер – примерзли колени! Мокрые колени примерзли ко льду. Попался! Из всех сил – рывок! Стоять! Стоять! О-о, голова, моя голова! Смотреть прямо! Стараться смотреть прямо! Ни вверх, ни вниз, а прямо, только прямо, иначе – упаду...

Огненная колесница бледнеет, упорядочивается ее бешеная круговерть. Все четче и спокойнее проступают вокруг деревья. Они уже не опрокидываются сверху, не ухают вниз, а стоят по своим местам, только нервно приплясывая, подергиваясь, покачиваясь.

Устоял. Приятного мало – упасть плашмя в зимнюю воду. Да и вообще лучше не падать в моем положении. Лучше – не падать...

А ведь это идея – забрызгать скользкую наледь водой: через минуту остатки снега на гладком льду превратятся в шершавую корку. Встать поустойчивее, снять рукавицы – за пояс их, попробовать осторожно наклониться. Нет, не могу сильнее, а до воды не достать. Так, попробовать присесть на корточки. Пальцы опустились в упругий холод. Теперь можно наплескать воды на лед. Раз. Два. Три. Теперь выпрямиться, перевести дух и еще пару пригоршней. Как стынют на воздухе пальцы – скорее их за пазуху. Еще раз присесть, поплескаться...

Ну, вот и готово. Отогреться, вы-

two meters, no more, and it's a flat area. Laying across the track, on it's side, is my motorcycle. My hands can't grab hold on this damned hillock, all my feet do is furrow into the bank of dark pebbles. Nothing to catch hold of, nothing to rest against. It seems that I'm caught. How am I going to climb out? I could start by standing up. Now what? My legs won't stand on the ice, and I'm cordoned on both sides by precipitous banks. I can't go around it, I can't go through it. At another time I could probably take a leap or two; that would solve my problem, but now I can hardly stand. I need to be careful not to fall face down into the water. I've begun to shiver. How am I going to do this? How? I could cut footholds into the bank with my knife! Alright, let's give it a shot. My knees drop to the ice, and I sweep away any snow that's within reach. But all the sharp end of my knife does is make little dents, and with each thrust pain pulses through my head and my surroundings dim. If only I had an axe; two blows and that would be it, but my axe is with the pack I left behind.

I've got to get up; take a break. I can't get up off my knees. That's something, I've frozen my knees! My wet knees froze to the ice! What a situation! With a jerk I pull free. O-oh, my head! Look ahead... I've got to try and look ahead. Not up, not down, but straight...only straight otherwise I'll fall.

My head spins, and I stand trying to stabilize the mad swirl. Everything's becoming clearer and calmer around the trees. They're not jumping out at me anymore, nor are they falling. They stand in their own places, twitching and rocking a bit.

сушить руки, а этим временем корка замерзнет...

Ну, вот и выползли. Хорошо, что мотоцикл в сугроб не улетел. А как бензин? Вытек или нет? Нет, вроде не весь, должно хватить... Ишь ты – завелся! Понимает... Надо скорее – дело к вечеру, ноги замерзают, а голова... Что же с головой? Не дотронуться, и слабость такая. Прилечь бы, но нет – пропаду. Надо ехать.

Поля... Уже и поля. Сколько же раз падал, пока проехал до них? И как все

I've regained my balance. There's little good about falling flat into winter water. In general it's better not to be in my situation. It's better not to fall...

Here's an idea. Splash some water onto the slippery ice surface. In a minute sprinkle snow over the freezing ice, then some more water, and it'll turn into a rough crust. I stand up, take off my mittens, put them on my belt and carefully try to bend over. No, I can't bend any more strenuously, and this way I can't reach the water. Ok, I'll try squatting. I put my fingers into the resilient cold, and I can sprinkle some water over the ice. Once, twice, thrice. I straighten up, catch my breath and add another few handfuls. How my fingers freeze in the open air—I tuck my hands under my armpits. Again I squat and sprinkle water over the ice...

Well, it's ready. I'll warm and dry my hands, and by that time the crust will have frozen...

I climb out. It's a good thing that my motorcycle didn't plow into a snowdrift. How am I for gas? Did it spill out or not? No, at least not all of it, there should be enough. I have to get a move on, it's already evening, my legs are frozen and my head...what am I going to do about my head? I can't touch it and I'm so weak. It'd be nice to lay down, but then I'd be done for. Time to go.

The field... I'm already at the field. How many times have I fallen while going across it? I'm lucky, though, because my motorcycle starts up on the first try. I'm not frozen anymore, in fact I'm so hot that I'm shivering. While getting the motorcycle up I was sweating buckets. How I'm going to manage not to freeze now I don't know. At least the road looks

удачно.

И мотоцикл заводился с первого раза. И не замерз еще – до дрожи жарко. Да пока мотоцикл поднимаешь, пять потов прольешь. Как бы теперь не замерзнуть – дорога-то хорошая, местами снег до земли сдуло. Ладно, еще не мерзну: даже ноги, хоть и бесчувственные, но живые...

Километры... Какие они длинные. Уже замерзаю. Ветер выдул до позвоночника все тепло. Надо как-то согреться. Попробовать катить мотоцикл... Теплей. И с каждым шагом ближе к селу. Только бы до людей добраться...

Неужели все-таки доехал? Еще один заледенелый переезд – и первые дома. Упал.

На этот раз сознание не потерял. Да вон и парнишка какой-то ко мне бежит. Нет, теперь я сам. До больницы – сам. Только скорее бы. Скорее бы...

Больничные ворота. Открыты. Падаю. Все... Теперь буду ЖИТЬ...

Живуч Человек! Велика его жизненная сила, спасшая раз и поддерживающая уже двадцать лет нормальную жизнь мозга, прикрытого лишь тонкой кожей, не скрывающей состояния разума – пульсирующая впадина посреди лба притягивает взгляд и точно передает ритмом пульса и своей меняющейся глубиной внутренние чувства, изменения здоровья и напоминает: КАКАЯ ТЫ ХРУПКАЯ, ЖИЗНЬ!

pretty good, there are parts where the snow's been wind swept all the way to the ground. Well anyway, I'm not frozen yet. Even my legs, while they have no feeling, can still move...

Kilometers...how long they are. I'm frozen. The wind has chilled me to the spine. I have to warm up somehow. I'll try to wheel the motorcycle for a while...warmer. And with each step I'm closer to my goal. If only I can come across some people...

Is it possible that I've made it? There's another icy crossing, and the first houses. I fall. But this time I don't lose consciousness. Someone's running over to me. No, I can do it myself now. I can make it to the hospital myself. A little faster, though. A little faster...

The hospital gates. They're open. I fall over. That's it...Now I'll live...

A person can survive a lot! Great is his will to live, that saved him once and has been supporting him for twenty years, with brain scarcely covered by thin skin only, not hiding the brain's condition, pulsing in the middle of the forehead as if signaling of deep feelings, changes in health condition and reminding: HOW FRAGILE YOU ARE, LIFE!

Содержание

Дик	3	Dik
Находка	7	The find
Грешник	15	The sinner
Наука	29	Science
На-на, покури	35	Have a smoke
Молитва	39	Prayer
Конфуз	53	Embarrassment
Сила жизни	59	The force of life

Олег ВОРОНОЙ Oleg VORONOV СИЛА ЖИЗНИ THE FORCE OF LIFE

Книга издана благодаря
поддержке Лэрри Креншоу

The book is published with support
from Larry Crenshaw

Художник Михаил Рыдванский
Переводчики Джонатан Слэйт,
Николай Казаков

Artist – Mikhail Rydvanskiy
Translation – Jonathan Slaght
Nikolai Kazakov

Макет Геннадий Кунгуров
Художественно-технический редактор
Светлана Кунгурова

Computer design – Gennadiy Kungurov
Chief Editor – Sveltana Kungurova

Корректор русского текста
Ирина Вельяотс

Russian Text Corrector – Irina Veliaots
English Text Corrector – Nikolai Kazakov

Корректор английского текста
Николай Казаков

издатель **СВЕТЛАНА** Кунгурова

ISBN 5-901403-07-X

Когда-то русские люди шли на восток в поисках легендарной земли Беловодье, в поисках сказочной жар-птицы, в поисках своего счастья. Среди них был и мой прадед. Нашли они у берегов Тихого океана страну Беловодье, нашли они свое трудное счастье, а вместо жар-птицы нашли жар-зверя, то есть тигра. Все мои предки были известными охотниками, не раз встречались с жар-зверем, а отца моего тигр покалечил. Поклялся я, что когда стану взрослым, обязательно убью тигра. Но... в 1994 году стал первым координатором международного проекта WWF по спасению этого зверя. Много различных историй, связанных с соседством тигра и человека, хранит приморская тайга. Некоторые из них для вас в этой книге.

Long time ago Russian people moved eastward seeking legendary Belovodye land, fire-bird from fairy tales and their happiness. My great grandfather was among those people. On the coast of the Pacific Ocean they found Bolovodye land as well as their difficult happiness, but instead of fire-bird they were met by an animal of fire: Siberian tiger. All of my ancestors were famous hunters and met this animal in the forest many times. My father was even crippled by a tiger. At that time I swore that I would kill that tiger when I grew. Instead, in 1994 I became the first coordinator of an international WWF project to save tigers. Primorye taiga forest keeps lots of various stories of tiger and human relationships. Some of them are in this book.